

Своя

февраль 2017

журнал
Никиты Михалкова

БАРЫШНЯ- КРЕСТЬЯНКА

Первая сверхзвезда:
тайна рождения

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Отец Василий

Мове не обучен,
в министры
незалежной годен

У мадонны в плену

Почему Савва
Морозов помогал
революционерам

Последний свидетель

Монархист Шульгин
при развитии
социализме

ДАЖЕ до 1917 года многие сознавали в России великую ее внутреннюю неустроенность, чувствовали, что нам предстоят великие испытания. Теперь, когда эти испытания наступили, для нас ясно, что они не явились случайными, что они давно грозили нам, хотя мы и обольщались нашим благополучием. Одних обольщала наша внешняя мощь, великая наша история, изумительный расцвет культуры в XIX веке; другие обольщались тем, что они чувствовали в тайниках русского духа, его редких дарованиях, пленялись чертами народного характера, «поэзией земли», неустанным исканием правды; были, наконец, и такие, кто, зная теневые стороны русского духа, видели исключительное значение России в том сокровище, которое было ей исторически вверено и которое действительно хранит в себе полноту истины, — в Православии. Но если нам вверено Православие, то еще надо быть достойным того, чтобы стать его светильником; если изумительны дарования русского духа, то страшны его провалы, кошмарно его буйство; если велика была мощь русской державы и чудесна была русская культура, то страшная катастрофа 1917 года так ослабила нашу силу, что прошлое наше служит только залогом возможного расцвета в будущем...

Василий Зеньковский (1881—1962)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Правда с любовью	30–32	Великие реалисты
Оружейник пролетариата
Иван Шадр и его шедевры
3–7	Символ веры
«Велика ваша награда на небесах»
5 февраля — День новомучеников
и исповедников Церкви Русской	33–37	Полководцы
Маршал с золотым сердцем
К 120-летию со дня рождения
Леонида Говорова
8–11	Философ о философе
Отец Василий	38–41	Стоп-кадр
Барышня-крестьянка
12–15	Русский характер
У мадонны в плену	42–43	Проверено временем
Николаевский фронт
Главный мужской праздник
и юбилей своего лидера «Любэ»
отметит заодно
16–18	Родное слово
Двойник инженера Гарина
Как Николай Михайловский улыбался миру	44–47	На семи холмах
Наш паровоз вперед летит
Изучаем экспозиции Музея
железнодорожного транспорта
19–23	Красные и белые
Последний свидетель	48	Трапезная
Творчество для всех
24–25	Книжная палата		
26–29	Достояние
Теорема жизни по Лотману
Судьба русского культуртрегера в СССР		

Главный редактор Алексей Зверев, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633, +7 (495) 622-7222

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

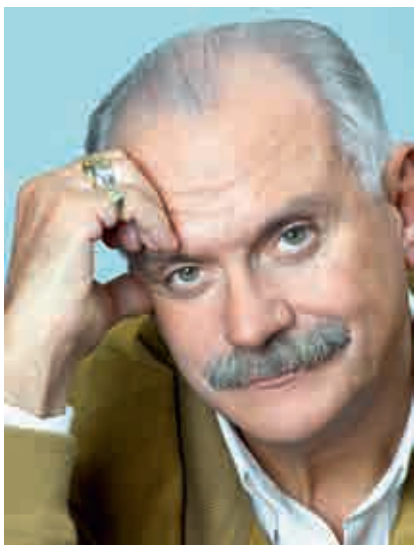
Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Первый полиграфический комбинат». **Номер заказа:** 1925

Тираж 39 300

Подписано в печать 18 января 2017 г.

Правда с любовью

Под занавес 2016 года мне довелось выступить в Совете Федерации на парламентских слушаниях, посвященных стратегии государственной политики в области культуры. В своей небольшой речи под условным названием «Маски сброшены» я затронул тему оглушающей, бесстыдной лжи, потрясающего двуличия, лукавой полуправды — либо правды, сотканной из тенденциозно подобранных фактов. Всего, что направлено на искоренение национального самосознания, с чем мы постоянно сталкиваемся в публичных спорах об истории России. На большинство людей зрелых, опытных, проживших долгую жизнь, подобные аргументы не действуют, однако наши юные соотечественники могут принимать их за чистую монету.

В тысячный раз я произнес слова, когда-то услышанные от одного замечательного старца: «Жестокая правда без любви есть ложь». Эта емкая, многое объясняющая фраза давно стала моим кредо, ибо она — не абстрактная метафора, но правило, которым надо руководствоваться и в политике, и в культурной жизни, и особенно в образовании, воспитании подрастающего поколения.

Ни один патриот в здравом уме и твердой памяти не скажет, что в летописи Отечества не было мрачных, темных страниц. Но знаем мы и то, что в «царстве вечной несвободы», как характеризуют Россию либералы, творили поразительно талантливые, чрезвычайно свободолюбивые писатели, композиторы, художники, ученые, за него, за это царство-государство, сражались гениальные полководцы и самые стойкие в мире солдаты.

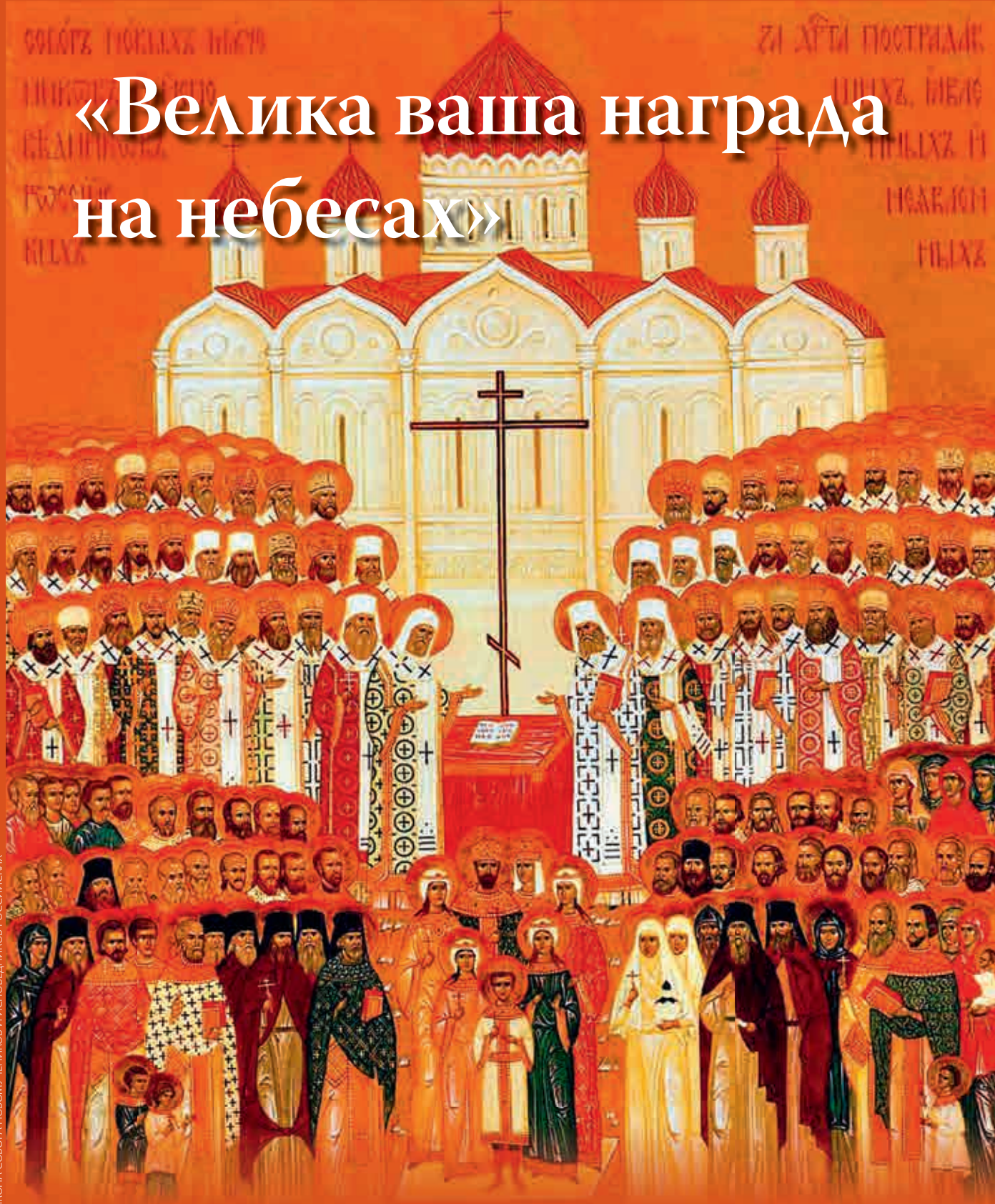
Так вот, если мы по-настоящему любим нашу страну, то, осознавая жестокую правду о страшных событиях ее истории, делаем все от нас зависящее, чтобы те никогда не повторились. И наоборот, если любовь к Родине, сопричастность ее судьбе уступают место политическим амбициям, меркантильным интересам, реваншизму, зависти, то рьяные оппоненты, разбившись на лагеря, норовят выставить на всеобщее обозрение свою маленькую правду.

Споря о революциях 1917 года, спешат разделить на красных и белых и тут же начинают новую войну, к счастью, пока лишь виртуальную. Рассуждая о репрессиях послереволюционного периода, не столько скорбят по невинно убиенным, сколько шлют проклятия ЛЮБОЙ сильной и самостоятельной государственной власти, а вместе с ней и «этому рабскому народу, веками гнущему перед ней спину». Со странным упоением перечисляя беды и нестроения тысячелетнего прошлого и отчасти тревожного настоящего, делают выводы — от панического «пора валить» до шизофренического «мы здесь власть». И все эти частные, мелочные правды, построенные на глобальной нелюбви, дают в итоге кривую, искаженную картину нашей общей жизни.

Нет и не может быть национальной культуры без объективного понимания родной истории — прежде всего эту мысль я стремился донести до представителей верхней палаты российского парламента. Мне показалось, что слова мои были услышаны.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author, written in a cursive style.

«Велика ваша награда на небесах»

Икона Собора Новомучеников и Исповедников Российских

Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской — праздник в честь тех, кто после Октября 1917-го принял мученический венец или подвергся страшным гонениям, — в этом году отмечается 5 февраля. Установлен был Поместным собором Русской православной церкви весной 1918-го. Этот день, 7 февраля либо ближайшее к нему воскресенье, для всероссийского молитвенного поминовения выбрали тогда в связи с датой зверского убийства безбожниками митрополита Киевского Владимира (Богоявленского).

Валерий Шамбаров

НАЗВАННЫЙ выше иерарх в скорбном списке русской Голгофы оказался не первым. Сразу после октябрьского переворота, когда под Петроградом большевики бились с казаками Краснова, протоиерей Иоанн (Кочуров) устроил в Царском Селе крестный ход с молитвами о прекращении междоусобной брани. Красногвардейцы жестоко избили и расстреляли его.

В январе 1918-го по приказу Александры Коллонтай вооруженный отряд захватил Александро-Невскую лавру. В результате получил смертельное ранение протоиерей Петр (Скипетров), осмелившийся увещевать насильников.

Всего на момент решения о ежегодном поминовении в списке Синода значилось 17 мучеников.

Что же касается святителя Владимира (Богоявленского), то он был видным архипастырем, до Киева занимал митрополичьи кафедры в Москве и Петрограде. Среди украинского духовенства ему пришлось вести тяжелую борьбу с сепаратистами, которые под эгидой Центральной рады стремились отделиться от Московской патриархии. Ширилась смута среди монахов, размечтавшихся о «национальном» самоуправлении. Эти иноки совместно с украинскими националистами нажаловались красногвардейцам на контрреволюционного митрополита, и он был безжалостно умерщвлен.

В кровавом месиве Гражданской войны число новомучеников стремительно множилось. Священники вызывали дикое раздражение у безбожников, погибали в кубанских и донских станицах, в Сибири, на Урале. Епископа То-

Епископ Тобольский
Гермоген (Долганев)

Митрополит Киевский Владимир
(Богоявленский)

Патриарх Тихон (Белавин)

больского Гермогена (Долганева) утопили в Туре. Епископа Пермского Андроника (Никольского) зарыли заживо. Для выяснения обстоятельств смерти последнего Поместный собор отправил комиссию во главе с архиепископом Черниговским Василием (Богоявленским). Но когда та провела расследование, ее расстреляли в полном составе.

Иногда расправами руководили советские вожди. В августе 1918 года в Свяжске расположился штаб Троцкого. По его личному приказу был схвачен епископ Амвросий (Гудко), доживавший век в монастыре. Потом келейник владыки нашел в поле его тело, исколотое штыками. Здесь же Лев Давидович приговорил к смерти епископа Балахнинского Лаврентия (Князева), всех монахов и послушников Зилантова монастыря, а в 1918-м, как сообщают некоторые источники, по указанию Троцкого в Свяжске был открыт уникальный памятник «первому богоборцу» — Иуде Искариоту.

В сентябре 1918-го провозгласили кампанию красного террора. Одной из первых ее жертв стал замечательный богослов и проповедник протоиерей Иоанн (Восторгов). До революции он состоял в руководстве монархического движения, при советской власти находился в тюрьме. Отца Иоанна вместе с епископом Селенгинским Ефремом (Кузнецовым) публично, на глазах горожан, расстреляли в Петровском парке Москвы.

Под красный террор, когда заложников уничтожали безвинно и массово, попадали и многие другие священнослужители. Известному миссионеру, активному борцу с сектантами протоиерею

Взрыв колокольни церкви Рождества Христова
в Муроме. 1930

ФОТО: ИТАР-ТАСС

И. Владимиров. «Допрос в комитете бедноты». 1921

Константину (Голубеву) вынесли приговор власти подмосковного Богородска (ныне Ногинск). Вместе с ним казнили красноармейца, отказавшегося убивать священника, и прихожанку, пытавшуюся защитить своего пастыря.

Подобные злодеяния происходили в то время повсеместно, но еще не носили систематического характера. Убивали тех служителей церкви, коих объявляли (чаще всего голословно) «контрреволюционерами», пособниками белогвардейцев. Однако после завершения Гражданской войны большевистская верхушка спланировала уничтожить православную церковь как таковую. Предлогом и сигналом послужило изъятие ценностей в помощь голодающим. 19 марта 1922 года Ленин откровенно писал членам Политбюро: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Патриарх Тихон (Белавин) благословил сдачу ценностей, лишь оговорился: такая не должна распространяться на священные предметы, используемые в богослужениях. Нет, подобное большевикам не подходило. Начались обыски и погромы храмов, в Шуе были спровоцированы столкновения с верующими (четыре прихожанина погибли, десять были ранены). Тут уж спустили всех собак. Арестовали патриарха и многих других священнослужителей. А наряду с репрессиями задумали церковь расколоть. «Энтузиасты» под началом Троцкого нашли среди духовенства соглашателей, объявивших о создании «обновленческой церкви». Им предоставили государственные средства печати, на них стали работать целые отделы ГПУ. На тех же, кто не поддал-

Изъятие церковных ценностей из Симонова монастыря

ся, твердо держался православия, посыпались удары.

В Петрограде прошел показательный процесс над митрополитом Вениамином (Казанским). Его ложно обвинили в том, что он мешал изъятию ценностей. Действительная вина была иной. Иерарх стал главным препятствием на пути раскола, принципиально не признал «обновленчества» и настаивал в этом паству. Вместе с ним перед трибуналом предстали еще 86 человек. Владыка Вениамин, архимандрит Сергей (Шеин) и двое мирян были казнены. Руководствуясь прецедентом, власти организовали судилища над духовенством в Москве, Черни-

гове, Полтаве, Смоленске, Архангельске, Новочеркасске, Витебске. Кстати, впоследствии в документах Троцкого были обнаружены указания: «обновленцев», когда в них отпадет нужда, следует уничтожить — предатели никому не нужны.

Ежегодное поминовение новомучеников и исповедников тогда прекратилось. Ведь оно автоматически влекло за собой репрессии. И тем не менее память о страдальцах за веру хранилась среди прихожан, места их убийства и захоронения становились объектами тайного поклонения. Многие священники поминали убиенных в алтаре, совершая литургию. Число

пострадавших за Христа продолжало расти. В 1929–1931 годы по стране прокатилась вторая антицерковная кампания.

Огромное количество жертв принесла ежовщина. Террор 1937-го и 1938-го вроде бы нацеливался на искоренение троцкистов и выявление антисоветских заговоров. Однако «церковники» были очень заметными, вполне годились для перевыполнения количественных разрядок — искать и доказывать ничего не требовалось. На одном лишь Бутовском полигоне под Москвой среди более чем 20 тысяч расстрелянных оказалось 940 священнослужителей и мирян, связанных с церковью.

Не всем подвижникам выпал мученический венец. Среди исповедников самым известным стал архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Он 11 лет с перерывами провел в лагерях и ссылках, а в Великую Отечественную войну получил свободу как выдающийся хирург. Однако вернулся и к архиерейскому служению, возглавлял епархии в Красноярске, Тамбове, Симферополе.

Прославление праведников нового времени в лике святых осуществила в 1981-м Русская зарубежная церковь. В Советском Союзе шаги к этому предпринимали с 1989-го, когда состоялась канонизация патриарха Тихона. А в 1991 году Священный синод Русской православной церкви установил празднование Собора новомучеников и исповедников российских. Дата определена та, которую выбрали в 1918-м, — 7 февраля или следующее за ним воскресенье. Началась и работа по официальному прославлению людей, пострадавших за веру в советский период.

Ныне список канонизированных составляет 1776 человек. Открывают его святой патриарх Тихон и святые царственные страстотерпцы — император Николай Александрович с супругой и детьми. Молитвенные обращения, свя-

занные с Собором, обычно завершаются словами «и иже с ними». Не только потому, что прочесть подобное количество имен крайне затруднительно. Просто существующий список охватывает лишь небольшую часть подвижников.

К чину канонизации церковь всегда относится строго и аккуратно. Изучаются свидетельства о жизни, обстоятельствах кончины. При этом упоминания слишком часто оказываются отрывочными, очевидцев давно нет, документы затерялись. Чтобы представить себе соотношение между известным и неизвестным, обратим внимание на цифры: лишь в одной антицерковной кампании 1922 года и только по приговорам судов были расстреляны 2691 священник, 1962 монаха, 3447 монахинь и послушниц. Если же добавим сюда убийства без суда, смерть в лагерях, то поймем: было истреблено не менее 15 тысяч представителей духовен-

ства, монашества и мирян, привлеченных по церковным делам.

Некоторые категории пострадавших за веру по разным причинам выпадали из рассмотрения исследователей. Например, те, кто погибал не от рук коммунистических властей. Так, в 1943 году бандеровцы развернули на Волыни свирепую зачистку служителей православной церкви, готовя почву для униатов. В ходе этих операций было зверски умерщвлено около 400 священников, неизвестное число монахов и прихожан. В числе жертв оказались митрополит Волынский и Житомирский Алексий (Громадский), епископ Мануил (Тарнавский).

До сих пор обращалось мало внимания и на хрущевский период антицерковных гонений, организованных как раз в годы «оттепели». В Советском Союзе тогда закрыли тысячи храмов, бросили в тюрьмы священников и мирян, пытавшихся отстоять святыни.

Двух протоиереев убили «при попытке к бегству». Имели место и другие случаи смерти служителей церкви при весьма подозрительных обстоятельствах.

Падение советской власти, увы, не положило конец войне антихристианских сил против православия. Число мучеников пополняется до сих пор. Достаточно вспомнить священников, погибших во время конфликтов на Кавказе, в Средней Азии, пленных солдат, которые предпочли страшную смерть вероотступничеству, оптинских братьев — иеромонаха Василия (Рослякова), иноков Трофима (Татарникова), Ферапонта (Пушкарева), зарезанных сатанистом.

Нам не известно, кто из них и когда будет официально канонизирован, но это не суть важно. Господь, несомненно, знает, кого Он уже принял к Себе и причислил к сонму святых. А мы молимся им всем, Собору, просим помощи в наших земных делах, а также стойкости в борьбе, которую они уже выиграли.

Исповедники живут среди нас и поныне. Большинству из них еще очень далеко до пределов святости. Однако случаи невеликого, мало кому заметного исповедничества не так уж и редки. Всегда находятся искренне, глубоко верующие во Христа люди, готовые ради Него претерпеть многое. Все они делают пусть маленькие, но верные шажки к Господу, терпевшему муки за нас самих.

Сказал Он предельно ясно: «Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедую и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Матф. 10; 32–33) «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Матф. 5; 11).

«Пришествие большевиков».
Клеймо иконы
«Новорусская Богоматерь»

Философ о философе

В. Васнецов. «Радость праведных о Господе». Роспись Владимирского собора в Киеве

Отец Василий

Ксения Ермишина

Этот классик национальной мысли, автор ценнейших мемуаров, книг по истории русской и зарубежной философии, апологетике, психологии, педагогике известен также как протоиерей о. Василий, хотя сан священника принял, когда ему было уже за 60. Его личность и судьба во многом парадоксальны. Страстно увлеченный наукой, с головой погруженный в мир идей, он едва ли не всю сознательную жизнь оказывался в эпицентре ключевых политических событий. Некоторое время даже занимал должность министра исповедания в правительстве гетмана Скоропадского.

ВАСИЛИЙ Зеньковский родился в 1881 году в Проскурове (ныне Хмельницкий). По окончании Киевского университета стажировался в Германии, Италии — это было обычной практикой для российских аспирантов. Позже организовал в Киеве религиозно-философское общество и стал его председателем. Занимал пост директора Института дошкольного воспитания. Считал себя русским, при этом любил и ценил украинскую культуру. Мову практически не знал и самой большой ошибкой в жизни считал следующее, казалось бы, незначительное, на первый взгляд, событие. После революции его позвали читать лекции студентам вновь образованного Украинского университета. По задумке организаторов, преподавать надо было по-украински, однако Зеньковскому разрешили использовать русский язык. Он дал согласие и тут же почувствовал двусмысленность положения...

В. Зеньковский. Рисунок Л. Занда. 1952

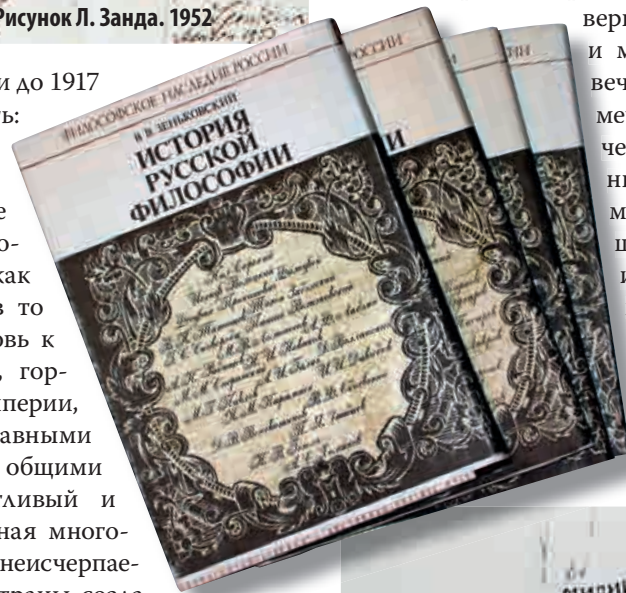
Что же касается его жизни до 1917 года, то следует отметить: наиболее распространенные среди образованного класса взгляды он вполне разделял. К примеру, шовинизм воспринимал как нечто «неприличное». И в то же время пламенная любовь к России и всему русскому, гордость за могущество империи, осознание себя ее полноправными представителями являлись общими умунастроениями. Талантливый и крепкий народ, повсеместная многодетность, разнообразие, неисчерпаемые богатства огромной страны создавали ощущение бесконечных перспектив, колоссальной энергии, великодержавной силы. Многим тогда казалось, что сдерживает мощный ход глобальной русской экспансии лишь косное, инертное царское правление.

Октябрь 1917-го Зеньковский встретил на Украине. Одной из важнейших причин переворота считал национальный вопрос. У других интеллектуалов, писавших о русской революции (Питирима Сорокина, Николая Трубецкого, Петра Сувчинского, Николая Бердяева, Льва Карсафина), на первый план выходили, как правило, иные проблемы: экономические, социальные, религиозные, политические.

Большевики — как бы — передали землю крестьянам, предоставили всем нациям право на самоопределение, покончили с Первой мировой, показали

недюжинную волю к власти, и это выгодно контрастировало с вялой, проникнутой непротивленчеством политикой Временного правительства. Быстрыми и решительными действиями, броскими лозунгами и обещаниями они добились главной цели. Их противники были разъединены, не могли прийти к согласию ни по одному вопросу политики и экономики, ближайших и долгосрочных перспектив государства. Такая разобщенность, война всех против всех дала большевизму шанс утвердить свой диктат и разбить врагов поодиночке. По Зеньковскому, это была «победа всяческого максимализма». Большевистские лидеры легко нашли общий язык с сепаратистами-максималистами в Грузии и на Украине, с прочими политическими группировками, поднявшими знамя самостоятельности.

Роковым стало бездействие основных слоев русского общества. В революционных событиях активнейшее участие приняли сплоченные, фанатично настроенные рабочие, крестьяне, вооруженные, вернувшиеся с фронта солдаты и матросы. Им противостояли вечно ссорящиеся друг с другом, мечтательные интеллигенты и честолюбивые кадровые военные. Буржуазия, купечество, мещане, духовенство, служащие, будто замороженные, с изумлением взирали на происходящее. Интеллигенция выдвинула из своей среды людей, способных к диктатуре, и на беду России ими оказались Ленин, Троцкий, Дзержинский...

Отряд народной милиции на улицах Киева. 12 марта 1917 года

ФОТО: РИА НОВОСТИ

В. Зеньковский на встрече молодежи в Экуменическом институте в Боссе. 1949

Революция открыла для большинства русских всю остроту национального вопроса, который в спокойные годы обсуждать не принято.

Вовлеченность Зеньковского в политику можно считать неким курьезом: он был лишен карьерного честолюбия, к тому же ментально далек от стихии социальной борьбы. В те дни Украина представляла собой кипящий котел страстей. На должность министра исповеданий требовался человек, не принадлежащий ни к одной из религиозных или национальных сил. Тогда же Василию Васильевичу предлагали стать епископом и даже митрополитом Киевским, от чего он благоразумно отказался.

Зеньковский отмечал, что с падением царского режима мгновенно оживились украинские националисты, установившие контроль (впрочем, довольно условный) над обширными южнорусскими территориями. Когда туда пришли немцы, их встречали с некоторым воодушевлением. Украинофилы смотрели на них снизу вверх — как на силу, что позволит создать независимое государство. Руководство самостийной выполняло сугубо утилитарную роль посредника между германцами и населением, которое те нещадно грабили, старалось регулировать количество и качество грабежа таким образом, чтобы в результате оставалась хоть какая-то возможность для существования и минимального развития частных хозяйств.

Украина стала идеальной моделью, полигоном для испытания национальных, а вернее, узконационалистических программ и доктрин. Благодаря этому примеру выяснилось, что любая «власть», возникающая на окраинах Российской империи, может опре-

делять лишь объем дани, которую «самоопределившаяся нация» в силах выплачивать.

Приговор, вынесенный Зеньковским «украинской мечте», был довольно жестким: «Бессилие сделать что-либо большее, невозможность «зажить своей жизнью», отдельно от огромной России, рождало гневное отталкивание от России, легко переходившее в ненависть. Россия вызывала к себе вражду именно своей необъятностью, своей изумительной гениальностью, — и то, что она забирала к себе украинские силы, делая это как-то «незаметно», — больше всего внутренне раздражало украинскую интеллигенцию, болезненно любившую «нерасцветший гений Украины».

Она, эта обиженная национальная интеллигенция, все очевиднее склонялась к сепаратизму, укреплялась в мысли о том, что только в «незалежности», в обособлении открываются возможности для свободы и творчества. Подобные настроения подхватывала типично южнорусская, склонная к пылкому романтизму и театральности молодежь. В народных низах это еще больше упрощалось, вульгаризировалось, лишалось какой бы то ни было осмысленности. Оставалась лишь фанатичная преданность «мечте». Кроме того, украинские деятели обладали роковой чертой — той, что «лишена вообще основной силы в политике — реализма, трезвого и делового подхода к своим собственным идеям».

Зеньковский упрекал и великороссов: они вовремя не увидели суть, проморгали даже само наличие украинской проблемы.

После падения режима Скоропадского мыслитель оказался в Европе, преподавал в университетах Бел-

града, Праги и Парижа. Был избран председателем Русского студенческого христианского движения (РСХД), возникшего в 1923-м, объединявшего молодежь на основе общецерковных и общерусских задач. В эмиграции оказалось до 3 миллионов наших соотечественников, по большей части как раз молодых. Зеньковский, беззаветно преданный делу образования и воспитания, как нельзя лучше подходил на роль руководителя подобной организации. Через посредство РСХД тысячи русских студентов получали поддержку, в том числе и материальную.

Все свои душевные силы Василий Васильевич за неимением собственных чад обратил на других детей. В лучшие времена он не создал семьи и впоследствии сильно сожалел об этом. В юности его любила одна девушка, ожидала от него решительных шагов, но, как позже с горечью писал философ: «Я не строю сам свою жизнь... то, что дается легко, я и делаю, но не более». Назвал это качество «пассивным отношением к своей судьбе», хотя подчеркнул, что оно далеко не тождественно его неспособности принимать волевые решения.

Одним из главных дел жизни стала организация (наряду с другими знаменитыми участниками) Свято-Сергиевского богословского института в Париже, интеллектуального центра русского рассеяния. Парижский период был наиболее плодотворным, Зеньковский создал множество трудов по педагогике и антропологии. Книга «История русской философии» — также итог его преподавательской деятельности в том институте. Как исследователь национальной философии он стоял на позициях христианского универсализма. Свою страсть описывал так: «Я хочу начать с того, что мне в моей жизни всего дороже... Я ненасытимо люблю мир идей... не претендую на «оригинальность»: в сфере идей оригинальной продукции вообще мало; я только хочу... иметь возможность выразить то, что именно я думаю».

Анализируя философские учения, ориентировался на те, что ведут к преодолению разрыва между религией и культурой. Наиболее высокой его оценки удостоились труды Владимира Соловьева, Николая Лосского, Семена Франка, Алексея Лосева, о. Сергия Булгакова.

Парадигмы, смыслы бытия и познания, этика и эстетика, проблемы свободы и зла в мире, космологические и антропологические построения... — у крупного мыслителя должны быть тщательно продуманы все эти вещи. Больше всего Зеньковский ценил синтез, непротиворечивую стройность фило-

софской системы. Например, основные работы Бердяева находил малосодержательными, считал, что чарующее впечатление они производят лишь благодаря взволнованности, романтизму и литературному дару автора. Лев Шестов стоит в этой иерархии гораздо выше, более того, его творчество Василий Васильевич определил как одну из вершин русской религиозно-философской мысли. Флоренский скорее отталкивал — манерностью, чрезмерной колоритностью идей, хотя Зеньковский признавал его несомненным гением.

Добросовестно изучив взгляды и концепции всех сколько-нибудь выдающихся отечественных мыслителей, он подчеркивал: для русского ума характерен некоторый утопизм, склонность к исканию социального или религиозного идеала. Космизм, тяготение к софиологии, персонализму и одновременно сильная материалистическая «традиция»; упование на соборный разум и противопоставление ему рассудка как «визитной карточки» Запада — тоже родовые черты наших философских воззрений.

До начала Второй мировой войны Зеньковский не думал о принятии сана. Решение стать священником впоследствии связывал с чудом, которое произошло с ним в ответ на молитву и данный Богу обет. В 1939-м он был арестован во Франции в числе других лиц, заподозренных властями в нелояльности. 40 дней провел в одиночной камере. Потом около года — в лагере для интернированных. Однажды часть пленных отправили в другое место, но по прибытии в пункт назначения его имени в сопроводительных списках не оказалось. Когда заключенные и их конвоиры покинули вокзал, он в растерянности остался там стоять, едва веря в чудом обретенную свободу. По возвращении в Париж, в 1942-м, был рукоположен в сан священника. Вторично получил приглашение стать епископом и вновь отказался.

До конца дней, несмотря на пережитые катастрофы и всевозможные неурядицы, сохранял живой интерес ко всему, что окружало, и бодрое, исполненное оптимизма настроение. Эти качества о. Василия, а также его незаурядный ум, скромность, умение договариваться со всеми, выступать посредником между самыми разными, подчас враждующими группировками сделали Зеньковского едва ли не центральной фигурой русской эмиграции. А некоторая пассивность, созерцательность, репутация чело- века «не от мира сего» закрепили за ним статус личности, предпочитающей всегда оставаться в тени.

**Война всех против всех
дала большевизму
шанс утвердить свой
диктат и разбить врагов
поодиночке.
По Зеньковскому, это
была «победа всяческого
максимализма»**

Русский характер

ФОТО: РИА НОВОСТИ

С. Морозов. 1900

У мадонны в плену

Людмила Жукова

155 лет назад, 15 февраля 1862-го по новому стилю, в деревне Зуево Богородского уезда Московской губернии в старообрядческой купеческой семье появился на свет, пожалуй, самый известный в отечественной истории предприниматель. Его имя, несмотря на смену эпох и политических режимов, всегда было на слуху, а образ так же постоянно окутывала пелена всевозможных тайн. Примечательное обстоятельство: дед знаменитого фабриканта, тоже Савва, сумел выкупиться из барской неволи за 40 с лишним лет до отмены в России крепостного права. Внук, названный в его честь, стал у Тимофея Морозова первенцем.

СТАРОВЕР поповского согласия, в те времена еще «бесфамильный», Савва Васильев был неграмотен, не умел расписываться, но всю семью, включая пятерых сыновей, заразил мечтой о выходе на волю. Ажурные ткани и ленты делали до позднего вечера на дому. Экономили на всем. Товар в отстраивавшуюся после пожара 1812 года Москву Савва носил из Зуево пешком, оборачивался за сутки-другие. Еще крепостным, на оброке, построил в деревне фабрику. На доходы с нее и купил он в 1820-м себе и самой близкой родне свободу. Огромные деньги за это заплатил — 17 тысяч рублей. Позже, записавшись в купцы первой гильдии, «ездил в атласной карете» — так рассказывал его внук-тезка.

Тимофей, едва научившись читать и писать, отделился от братьев, перевел унаследованную Никольскую мануфактуру из Зуево на другой берег Клязьмы, в Орехово, впоследствии ставшее — благодаря ему и его сыну — образцовым городом: с театром для фабричных рабочих, двумя библиотеками, больницами, роддомом, яслями, столовыми, школами, ремесленными училищами. Дед Савва первым в России догадался завезти из Англии машины высокой производительности и пригласил британских мастеров. Тимофей Саввич дальновидно прикупил хлопковые поля в Средней Азии, удешевив производство, а значит, и дорогие прежде ткани: миткали, ситцы, сатины, бязи. «Свой хлопок» довершил создание полного производственного цикла — от сырья до готового товара — мечту любого предпринимателя. На многомиллионные прибыли были приобретены поместья с дачей в Крыму, предприятия в Подмосковье, на Урале и Русском Севере.

С крымским именем связана пикантная легенда о рождении Саввы Тимофеевича местной красавицей-служанкой из татар. Яко-

ФОТО: КАВАЦКИН-БОРИС/ТАСС

Корпус морозовской мануфактуры в Орехово-Зуево

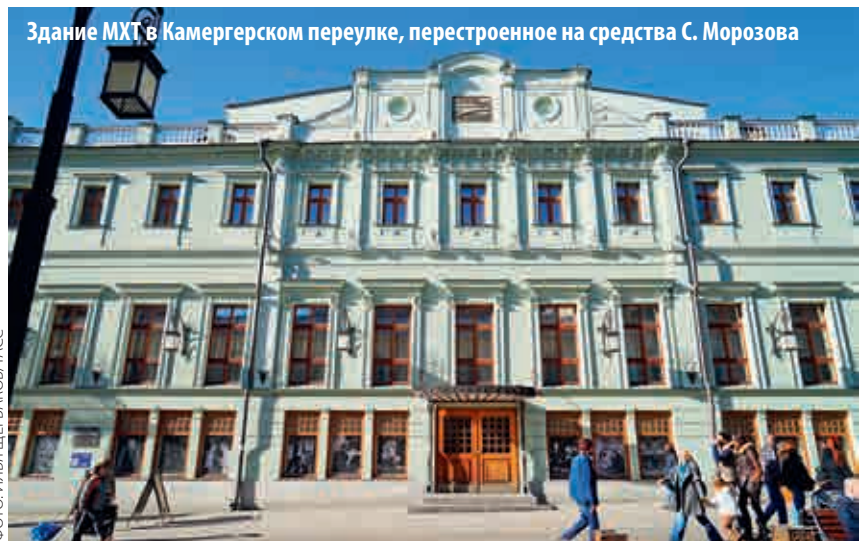

ФОТО: ИЛЬЯЩЕРБАКОВ/ТАСС

Здание МХТ в Камергерском переулке, перестроенное на средства С. Морозова

бы оттуда привез его отец в Зуево, а здесь лишь крестил.

Наследников — энергичного, самолюбивого крепыша Савву и слабого здоровьем тихоню Сергея — Тимофей Саввич решил воспитать по дворянскому образцу. Жену с детьми отправил в Москву, купив просторный двухэтажный дом с богатым садом в Трехсвятительском переулке. Нанял гувернанток, учителей для обучения языкам и прочим необходимым премудростям. Затем определил отроков в престижную гимназию у Покровских ворот. По воспоминаниям товарищей, Савва охотно читал, знал наизусть много стихотворений и всего «Евгения Онегина», собственноручно писал стихи, интересовался русской историей, любил театр, высказывал оригинальные, остроумные суждения обо

всем на свете. Ему прекрасно давалась математика, а химия была его страстью. Признавался позже Максиму Горькому: «Химия — это область чудес, в ней скрыто счастье человечества». Характера он был неровного, впечатлительного, темперамента взрывного: приливы бешеной энергии сменялись хандрой, а на смену той приходил новый приступ активной деятельности, заставлявший работать без перерыва, денно и нощно.

Еще подростком, оказавшись с близкими в Лувре, замер надолго у «Мадонны» Рафаэля, а затем громко позвал всех: «Идите, идите, ради Бога, это ведь чудо просто!» Когда оттащили от полотна, куда-то исчез. Нашли его вновь застывшим возле «Мадонны»...

На естественном отделении физико-математического факультета

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Московского университета Савва Морозов учился с удовольствием, постигал тонкости «чудесной» химии, пытался составлять краски для тканей. В выпускном 1885-м получил неожиданный и чрезвычайно чувствительный удар — от «политэкономии»: первую в России крупную стачку рабочие развернули именно на Никольской мануфактуре. Оказывается, отец, чтобы снизить количество брака на производстве, требовал безжалостно облагать трудящихся штрафами — так, что от заработка не оставалось и на харчи.

На процессе по этому делу появившегося в зале суда хозяина фабрики встретили криками: «Изверг! Кровопийца!» Тимофей Саввич, как видно, споткнувшись, упал навзничь. Говорить не мог. Болел до самой смерти, случившейся в 1889-м. Своей властной жене перед этим оставил львиную долю акций.

Савва тогда же был избран одним из трех фабричных директоров. Несмотря на протесты матери (или все-таки мачехи?), он уговорил управленцев встать на путь всемерной профилактики массовых волнений — отменить штрафы, а за качество продукции бороться с помощью профессионального обучения мастеров и рабочих. А также исследовать случаи брака, устраняя его причины, проводить сравнительный анализ тканей, собственных и выпущенных конкурентами, изучать рынок, платежеспособность партнеров. В общем, делать все так, как учит политэкономическая наука, с которой ему довелось познакомиться в командировке в Англии — на текстильных фабриках Манчестера и в стенах Кембриджского университета.

Кстати, именно тогда, в год поездки в Британию, 24-летний Савва переживает первое сильное чувство — к замужней женщине. Вопреки канонам «древлего» благочестия и строгим этическим нормам купечества Савва добивается ее развода и венчается. Че-

З. Морозова

А. Горький
и М. Андреева

Москва - Moscow
Спиридоновна, домъ З. Г. Морозова,
Spiridonovka Malon de Msk. Morozov.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

рез пять месяцев у них родился ребенок, названный Тимофеем. О Зинаиде говорили и писали разное. По свидетельству хорошего знакомого Морозовых Павла Бурьшкина (издавшего в Нью-Йорке в 1954-м книгу «Москва купеческая»), Зиновия (а не Зинаида) Григорьевна, волевая, смелая, яркая, некогда трудилась ткачихой на Никольской фабрике.

Став женой Саввы Тимофеевича, начала новую жизнь с превращения себя в светскую даму — нанимала учителей по разным наукам и этикету. Ей, супруге купеческого воеводы, жертвовавшего немалые суммы на государственные дела, довелось

принимать в разные годы в своем роскошном доме на Спиридоновке министра финансов Сергея Витте, генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича с супругой Елизаветой Федоровной, писателей Чехова и Горького, известных артистов. Многие знаменитости отзывались о ней как об умнейшей женщине, которую, однако, сильно портило тщеславие. То на прием по случаю открытия Нижегородской ярмарки (1896), где муж был председателем биржевого комитета, зная, что будут Николай II с Александрой Федоровной, явится в платье со шлейфом длиннее, чем у государыни, и бриллиантовой диадемой,

похожей на корону. То МХТ посетит со свитой и ведет себя как хозяйка медной горы, вызывая раздражение у Станиславского, Немировича-Данченко, группы.

А Савву Тимофеевича можно было застать дома в стоптанных тапках, на улице — в старомодном длиннополом сюртуке и порядком изношенных башмаках. На фабрике — в рабочей блузе, ветошью вытирающим части новых машин. Во время перестройки Московского Художественного — в замазанном красками фартуке, с паяльником или малярной кистью в руках.

«Одинок я очень», — признался он Горькому вскоре после знакомства. Превосходный психолог, Владимир Немирович-Данченко размышлял над судьбой этой незаурядной личности: «Человеческая природа не выносит двух равносильных противоположных страстей. Купец не смеет увлекаться. Он должен быть верен своей стихии... выдержки и расчета... а Савва мог страстно увлекаться. До влюбленности. Не женщиной, — это у него большой роли не играло, а личностью, идеей, общественностью... Увлекаясь, отдавал свою сильную волю в полное распоряжение того, кем был увлечен... Но самым громадным, всепоглощающим увлечением его был Максим Горький и в дальнейшем — революционное движение... На революционное движение он давал значительные суммы...»

Огромные деньги выделял он и на многие другие, противоположные по своим целям дела. Например, пожертвовал 10 тысяч рублей на сооружение перед Храмом Христа Спасителя памятника Александру III, которого особенно уважал за спокойные, без войн, годы царствования и за расцвет промышленности, как следствие, возглавил даже депутацию купцов для возложения венка на царский гроб в Петропавловском соборе. Рабочие, когда он безвременно

покинул сей мир, вспоминали, кому из них Морозов помогал по первой же просьбе; от них пошел слух, что фабрикант не умер, просто скрылся в народе...

Знакомство с Московским Художественным театром, «первым в России разумным, нравственным общедоступным», одалило его верными, как ему казалось, друзьями и самозабвенной страстью к актрисе Марии Андреевой. О ней, редкой красавице, Лев Толстой говаривал, что такой артистки в жизни не встречал. Портрет этой убежденной марксистки, стремившейся к освобождению рабочего класса, писала сама великая княгиня Елизавета Федоровна. Современники Андреевой сравнивали ее с прекрасной мадонной итальянцев. Вспомним еще раз случай, произошедший с юным Саввой в Лувре, и нам, право же, легче будет ответить на давно интригующий всех вопрос: почему фабрикант-капиталист Морозов спонсировал революционеров? «*Cherchez la femme*», — замечали в подобных случаях французы и российские аристократы.

О том, что предшествовало роковому утру 13 (26) мая 1905 года в Канне, когда Савву Тимофеевича обнаружили в гостиничном номере с простреленной грудью и короткой запиской — «В смерти моей прошу никого не винить», существуют разные версии. Большинство из них сводится к мысли: у него, трагически одинокого в сущности человека, накопилось слишком много проблем и разочарований — чаша сия переполнилась. Россия тогда терпела катастрофические, болезненные для всех русских людей неудачи в войне с Японией. По стране пошла волна крестьянских бунтов. На Никольской мануфактуре через 20 лет покоя вспыхнула стачка. И в личной жизни — сплошные тяжелые неприятности. Новые друзья в МХТ за глаза возмущались вмешательством купца, «морозов-

щиной», артисты-юмористы копировали его разговор и манеры под всеобщий смех. Еще недавно обласканный похвалами и благодарностями, теперь он слышал за спиной шепотки, насмешки, чувствовал враждебность.

Еще невыносимее было наблюдать развивавшийся на глазах роман двух самых дорогих для него людей — Андреевой и Горького. Станиславский писал тогда актрисе: «Вы хвастаетесь публично перед посторонними тем, что мучительно ревнующая Вас Зинаида Григорьевна ищет Вашего влияния над мужем... что Савва Тимофеевич по Вашему настоянию вносит целый капитал... ради спасения кого-то...»

Он застраховал себя на 100 тысяч рублей и оформил полис «на предъявителя» — Марию Андрееву. Мать и супруга Саввы, до того недружные, сообща забили тревогу: «Савва Тимофеевич болен, а может быть, сходит с ума». Первая из них потребовала отстранить его от управления фабрикой.

Врачебный консилиум поставил диагноз: «Тяжелое нервное расстройство, выражавшееся то в чрезмерном возбуждении, беспокоестве, бессоннице, то в подавленном состоянии, приступах тоски и прочее». Рекомендовалась поездка за границу. Он отправился туда в сопровождении врача и Зинаиды Григорьевны...

Спустя два года после его смерти она вышла замуж в третий раз, за генерала Анатолия Рейнбота.

«У меня нет биографии, — незадолго до гибели говорил Савва Тимофеевич. — Я ведь не человек, я — фирма. Меня надо преподавать по кафедре политической экономии в университете». Конечно, есть соблазн рассматривать эти слова как своего рода эпитафию, однако, хотя бы поверхностно представляя себе, каким был в действительности Савва Тимофеевич Морозов, с такой автохарактеристикой согласиться нельзя.

Родное слово

Двойник инженера Гарина

Дарья Ефремова

Путешественник и писатель, поражавший современников необузданной энергией, а, по выражению Горького, еще и легким праздничным тоном своих книг, в середине XX века угодил в авторы второго плана. Его герой — живой, узнаваемый, меняющийся, ищущий Тёма Карташев — и вовсе был назван «отщепенцем». 20 февраля исполняется 165 лет со дня рождения Николая Гарина-Михайловского, работника, улыбавшегося миру.

ВЕСЕЛЫМ ярким утром расцвел махровый цветок. Тот самый, который отец выращивал на зависть герру Готлибу, главному садовнику Ботанического сада. Теперь одноглазый Еремей запряжет Гнедко — тот бегаёт быстрее всех лошадей в городе, — папа наденет вицмундир. Наверное, и Тёму возьмут с собой... Неловкое движение (Тёма приседает на корточки, чтобы поцеловать цветок, но равновесия не держит) — и безмятежный мир ребенка рушится. Он действительно дурной мальчик и должен понести наказание, но какое же нехорошее лицо у отца, когда он снимает противный желтый ремешок. А вот и горничная Таня, молодая девушка с нечесаной косой, торопливо обглаживает на кухне оставшуюся с ужина кость. Толстопузый Иоська, произведение Еремея и Настасьи, бисова дытына, пристаёт к матери, тянет плаксивую ноту «дай грош»...

Автобиографическая повесть «Детство Тёмы», напечатанная в журнале «Русское богатство», принесла знаменитому путешественнику и востребованному инженеру литературную славу, поставила в один ряд с Сергеем Аксаковым, Константином Леонтьевым, Львом Толстым. Казалось бы, Гарин наследует принцип художественной типизации. Тёма Карташев, как Николенька Иртенъев, Сережа Багров («Детские годы Багрова-внука»), Владимир Ладнев («Подлипки»), — мальчик из дворянской семьи, умный, чуткий, рефлексирующий и все же значительно отличающийся от предшественников. Детство оказывается отнюдь не безоблачным и даже не трогательным в своей ностальгической предметности, оно довольно непростое, травматичное: здесь и сцены унижительных порок, которым его подвергает отец, и вырвавшийся наружу жесткий протест матери, размова родителей, болтовня о покойниках с Иоськой, ханжеские наставления сестры Зины. Помимо прочего, Тёма еще и в курсе распрей прислуги.

Последующие циклы тетралогии, «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры», вышедшие с 1893-го по 1906-й, позволили говорить не только о сближении с

Чеховым и Горьким, но и о расширении рамок семейной хроники, в случае Михайловского не уместяющейся в рамки традиции. «Растет понимание художественных достижений прошлого, не стесняющего и не ограничивающего степеней свободы, а расширяющего ее, умножающего возможности творческого выбора», — напишет в середине 1980-х академик Дмитрий Лихачев.

Сюжет «Гимназистов», вышедших вскоре после «Детства...», окажется еще более жестким. С одной стороны, ожидаемые вещи: юношеская дружба взалхлеб, иногда переходящая в соперничество, жаркие диспуты о счастье и смысле бытия, чтение Писарева, шутки над гимназическими преподавателями (кого-то любили, кого-то звали «амфибиями», латиниста, деспотично воспитывавшего малышня, в низших классах ненавидели), влюбленность в сестру Васи Корнева, уход из-под влияния среды. Подросший Карташев слушает разговоры матери, как путник звон родного колокола: «звонит, будит душу, но путник идет своей дорогой». Аглаида Васильевна и Зина напрасно говорят ему про воспитание, хорошее общество, пытаюсь провести грань между дворянами Карташевыми и разночинцами-приятелями Тёмы: «Не для того дается образование, чтоб в конце концов смешать в кашу все то, что в тебя вложено поколениями».

«Какими поколениями? Все от Адама», — парировал юноша. И тут среди всех этих школьных сценок дореволюционной Одессы разворачиваются трагедии: один из товарищей юноши гибнет, пристрастившись к водке, другой, оказавшись исключенным из гимназии, кончает с собой. В «Студентах» писатель рисует духовную деградацию своего героя, тайную и темную сторону его души — «утонченный вариант открытий новейшей психологии». Карташев мечтает и действует, совершает ошибки, скатывается. Отщепенец, подлеющий под воздействием современного ему общества, — так обозначит суть нерва произведения часть советской критики. Параллельно будет существовать другая оценка, например, высказанная

Н. Гарин-Михайловский.
1906

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Д. ШТЕРЕНБЕРГ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ТЕМА ИЖУЧКА». 1977

доктором филологии Евгением Тагером: «Поиски героя, его трудный и сложный путь к неясному еще идеалу — вот что составляет стержень всех частей тетралогии. Уяснение содержания этих поисков, смысла и направленности... чрезвычайно важны для понимания внутренней сути всего гаринского творчества».

«Разве трудно понять, к какой части общества относится «эгоизм наших дней» и чем именно деморализовано это общество: одному вечное проклятие, другому вечная слава. И Вильгельм Мейстер великого Гёте, и Карташев ничтожного Гарина — они и гибнут, и находят свое обновление, конечно же, не на луне и не вне общества», — написал Гарин-Михайловский Александру Иванчину-Писареву.

В повести «Инженеры» Карташев-путеец, подобно создателю тетралогии, участвует в строительстве железных дорог. Дело сводит его с разными людьми — мастерами, грузчиками, чернорабочими, и именно это выпадение из среды позволяет герою найти себя, осмыслить когда-то пропущенные мимо ушей слова матери: «Можно выйти пустоцветом, можно дать людям обильную жатву». Интересовавшийся марксизмом, народничеством, в какой-то момент близкий

к оппозиционным кругам, он становится обычным русским человеком — широким, щедрым, деятельным, «практиком этой жизни», как и сам автор, не захотевший встать на путь писателя-профессионала и до конца своих дней оставшийся инженером, путешественником, видевшим себя «работником, нужным людям». Так говорил о Гарине друживший с ним Максим Горький. Он же вспоминал: «Был он строен, красив, двигался быстро, но изящно, чувствовалось, что эта быстрота не от нервной расшатанности, а от избытка энергии. Говорил как будто небрежно, но на самом деле очень ловко и своеобразно построенными фразами... Добр он был тоже по-русски. Деньги разбрасывал так, как будто они его тяготили и он брезговал разноцветными бумажками, на которые люди обменивают силы свои... Жил широко, угощая знакомых изысканными завтраками и обедами, дорогим вином. Сам ел и пил так мало, что нельзя было понять: чем же питается его неукротимая энергия? Любил делать подарки и вообще любил делать приятное людям... Принимая жизнь как праздник, он бесознательно заботился, чтоб и окружающие его так же принимали ее».

Последний свидетель

В конце 1944 года он был задержан в освобожденной Красной армией Югославии и отправлен в СССР. Затем — длительное следствие, относительно скорый суд и 25 лет лишения свободы за антисоветскую деятельность. В тюрьме, Владимирском центре, отсидел чуть меньше половины срока, освободился по амнистии. В хрущевский период о нем вспоминали крайне редко. Что же касается словосочетания «бывший депутат Государственной думы», то оно у большинства представителей постреволюционных поколений едва ли вообще с чем-либо ассоциировалось, кроме сценки из книги «Двенадцать стульев».

Дмитрий Тихонов,
Смоленск

Удивительный сосед

Минувшей осенью произошло печальное для многих смолян, в особенности театралов, событие: умер 62-летний актер Смоленского драматического театра, заслуженный артист России Николай Коншин. Его убежденное благородными сединами лицо наверняка запомнилось и части общероссийской телеаудитории: в сериале «Генералы против генералов», показанном на канале «Культура» несколько лет назад, Николай Сергеевич ярко и убедительно сыграл красного Бонч-Бруевича. Была в жизни Коншина еще одна важная, причем для всей отечественной истории, роль, ее он более полутора десятка лет исполнял в свои детские и юношеские годы...

В 1960-м в небольшую типовую четырехэтажку в центре Владимира поселили Василия Шульгина, недавнего политического заключенного, а в отдаленном прошлом — одну из наиболее известных и влиятельных в России персон: крупного политического и общественного деятеля, выдающегося журналиста и писателя, депутата парламента трех созывов, непосредственного свидетеля сцены отречения последнего русского царя, идеолога Белого движения.

В том четырехэтажном доме на Кооперативной улице их с совсем еще юным тогда Колей Коншиным судьба свела надолго.

А вот как сам Николай Сергеевич рассказывал об этом в нашей беседе:

— Мы с родителями и сестрами жили в квартире на первом этаже, Шульгин с женой Марией Дми-

Н. Коншин в спектакле «Снегурочка» Смоленского драматического театра

ФОТО: ВАЛЕНТИН КУЗМИН/ТАСС

триевой (она была моложе его на два с лишним десятка лет) — также, правда, в соседнем подъезде. Наши семьи быстро и крепко сдружились, что неудивительно — ведь мой отец тоже происходил из «бывших», из рода промышленников-предпринимателей. Более того, долгие годы провел в лагерях, в 59-м получил справку о реабилитации, а спустя пять лет умер от инфаркта. Василий Витальевич старался мне его заменить, был в моих глазах этаким добрым, умным дедушкой. В 1968-м он овдовел, и тогда известная доля забот о нем, 90-летнем, легла на нас. Мама готовила этому ставшему нам очень близким человеку кашу, капусту, другую простую еду — он к тому времени уже примерно полвека питался как вегетарианец, ел мало и скромно. Сестры помогали ему писать письма, но вскоре уехали из Владимира, и функции «личного секретаря» Шульгина полностью перешли ко мне. Я вел его переписку, читал вслух книги, газеты, помогал по нехитрым хозяйственным делам. Мы часто гуляли. Как сейчас помню, шествуем неспешно где-нибудь в историческом центре древнего города, а люди, пройдя мимо, тут же оборачиваются: его фигура, роскошная белая борода, походка, манера держаться, речь — все выдавало в нем человека давно ушедшей эпохи. Иногда бывали в кино. Особенно

ему понравился вестерн «Великолепная семерка» с Юлом Бриннером в главной роли.

Всем бы такой маразм

Общаясь с юным Коншиным, почтенный старик обычно не слишком охотно вспоминал о пережитом, о ключевых этапах своей чрезвычайно богатой биографии. И тому была веская причина: он не хотел «портить жизнь» подопечному. Особенности подробности, субъективные оценки, касающиеся дел давно минувших дней, в стране победившего социализма могли восприниматься отдельными бдительными гражданами как антисоветская пропаганда. Когда Николай учился в 9-м классе, преподавательница истории, описывая перипетии Февральской революции, заявила, что Временное правительство формировалось... в туалете. Придя домой, старшеклассник решил важную событийную деталь у Шульгина уточнить. Последний рассмеялся и поведал известную ему правду о тех днях 1917-го. На следующем уроке Коншин попытался поспорить с учительницей, сослался на показания очевидца, самого что ни на есть компетентного свидетеля, однако историчка в ответ сказала, как отрезала: «Ваш Шульгин — маразматик». Всем бы в столь преклонных годах быть такими же маразматиками...

Как бы там ни было, в разговорах с любознательным юношей он все же эпизодически ворошил старое. Николай Коншин на сей счет вспоминал:

— Врезались в память его эмоциональные слова об отречении Николая Романова: «Государь встал. Мы в эту минуту находились рядом, в глубине вагона (в царском поезде на Псковском вокзале. — «Свой»). Он взглянул на меня, и я выпалил: «Ах, ваше величество, если бы вы сделали это раньше, ну хоть до последнего созыва Думы, то, может быть, всего этого...» Я не договорил. Государь в этот миг посмотрел на меня как-то удивительно просто, а сказал еще проще: «Вы думаете, обошлось бы?»... Василий Витальевич всегда говорил, что хотел спасти монархию. Отречение ведь принималось в пользу брата Николая II Михаила. Но тот также отречся — в пользу Учредительного собрания. И эта трагедия русской монархии стала личной трагедией Шульгина. Он, как мне видится, любил императора едва ли не сыновней любовью. И именно по этой причине отказался войти в состав Временного правительства, хотя участвовал в его создании. Вообще же считал себя скорее не политиком, а литератором, журналистом. До революции его газета «Киевлянин» была хорошо известна всей читающей России.

В мае 1917-го у него возник заочный спор с Лениным. Обращаясь к большевикам, он изрек: «Мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране.

Если вы можете нам сохранить эту страну и спасти ее, раздевайте нас, мы об этом плакать не будем». На это ему большевистский вождь ответил в «Правде»: «Не запугивайте, г. Шульгин! Даже когда мы будем у власти, мы вас не «разденем», а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу, на условии работы, вполне вам посильной и привычной!» Ирония судьбы в том, что владимирскую квартиру, где Василий Витальевич жил после тюрьмы, ему предоставили как раз из-за этой ленинской фразы...

А однажды мы с братом поинтересовались, как в дореволюционной России оформлялся выезд за границу. «Надо было заплатить 10 рублей в губернскую администрацию, и через пятнадцать минут выдавали загранпаспорт, с которым можно было ехать в любую страну и на любой срок», — разъяснил Шульгин. У него не было советского паспорта, этот документ ему заменяла зеленая книжечка, подтверждающая вид на жительство в СССР, в графе «подданство» там значилось: «российское». Кстати, за несколько десятилетий проживания за рубежом он так и не принял никакого иностранного гражданства.

Операция «Трест»

В 1967 году по телевидению впервые показали многосерийный фильм «Операция «Трест», являвшийся

Николай II на платформе станции. 1916

Р. Александров в роли Шульгина в фильме «Операция «Трест»

экранизацией романа «Мертвая зыбь». В мини-сериале рассказывалось о том, как чекисты в 20-е проводили секретную операцию по обезвреживанию тайных и явных (из белоэмигрантов) врагов советской власти. Василий Шульгин был среди персонажей романа и телекартины. Дело в том, что зимой 1925–1926 годов он по поддельному паспорту тайно посещал СССР в надежде наладить связи с подпольщиками, а попутно — отыскать пропавшего во время Гражданской войны сына. Вот что знал об этом от своего удивительного соседа Николай Коншин:

— В первом браке у него родились трое сыновей. Старшего убили петлюровцы. Младший, Дмитрий, сумел эмигрировать. О среднем, Вениамине, служившем в Белой армии, было ничего не известно. Шульгин отнюдь не чурался мистики, придавал большое значение сновидениям, а некоторые сны даже записывал. И вот однажды ему приснилось: сын ранен пулей в голову и чудовищно страдает. После бегства из Крыма в 1920-м Василий Витальевич познакомился в Константинополе с ясновидящей Анжелиной, которая славилась среди эмигрантов тем, что могла узнать судьбу потерянного родственника. В ответ

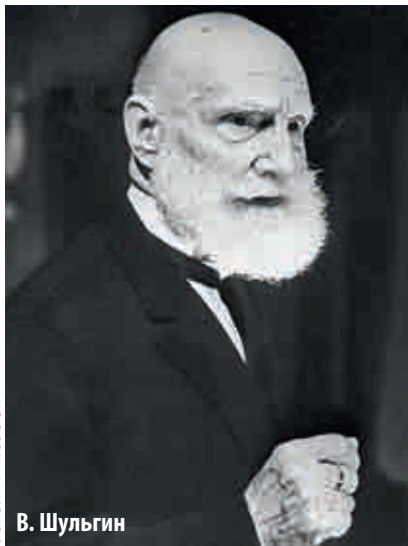

ФОТО: РИА НОВОСТИ

В. Шульгин

на просьбу сообщить что-нибудь о Вениамине та взяла хрустальный шар и, пристально всматриваясь в него, впала в транс. Затем сказала: сын жив, однако тяжело ранен ударом шашки в голову...

Через три года в Париже Шульгин случайно опять встретился с Анжелиной. И вновь спросил о сыне. «Он жив. Вижу решетку, но не тюремную. Похоже на сумасшедший дом. Вижу какой-то город на берегу реки. Мне этот город незнаком, а вы там бывали», — говорила в транс ведунья. Василий Витальевич догадался, что речь шла о Виннице — там была лечебница для душевнобольных. Заду-

мал отправиться в СССР, чтобы вывезти сына за границу. Предварительно связался с членами подпольной организации «Трест» (на самом деле фиктивной, созданной сотрудниками ГПУ в качестве приманки). Те обещали помочь в поисках Вениамина, и он под чужим именем прибыл в Союз. Когда же попросил отвезти его в Винницу, ему отказали, заявив, что у него неверные сведения и сына там нет.

Спустя десятилетия, уже отсидев в тюрьме (кстати, в одной камере с Даниилом Андреевым), Шульгин смог попасть на Украину и найти лечащего врача Вениамина. Доктор сообщил, что того на момент проведения операции «Трест» уже не было в живых.

На какой-то период прервалась переписка бывшего политзаключенного с младшим сыном. Тогда он встретился с Мессингом, и Вольф Григорьевич заверил, что Дмитрий жив и здоров, предсказал скорое известие от него. И действительно, через два месяца с оказией пришло письмо от сына из Америки.

В 1969-м, через год после смерти жены, Шульгин просил разрешения побывать в США. Не позволили. Позже выяснилось, из-за чего не пускали: боялись, что его путешествие за океан «испортит отчетность» властям в канун празднования 100-летия со дня рождения Ленина. По этой причине Василий Витальевич был очень зол на КГБ. Однажды отправил телеграмму Андропову: «Прошу Вашего разрешения отслужить панихиду по невинно убиенному императору Николаю II». На сей раз, как ни странно, разрешили.

Что же касается произведений, посвященных операции «Трест», то автор «Мертвой зыби» Лев Никулин прежде, чем писать роман, много времени провел в беседах с Шульгиным. Когда я прочел ему эту книгу, он, страшно возмущившись, вымолил: «Здесь же нет ни слова правды». Потом даже отправил гневное письмо Никулину.

Суда не вышло

Во второй половине 1960-х о том, кто такой Василий Шульгин, в СССР знали многие. Известности немало поспособствовал документальный фильм Фридриха Эрмлера «Перед судом истории», запрещенный к показу уже через три дня после выхода.

— Главным действующим лицом должен был стать раскаявшийся белоэмигрант, — объяснял Николай Коншин. — Однако чужие идеи и слова Шульгину навязать не смогли. На экране он остался самим собой — таким, каким был в повседневной жизни. Стало быть, и суда как такового не получилось. Потом Игорь Ильинский при встрече сказал ему: «Вы лучший актер из тех, кого я видел и знал». После фильма Эрмлера к нему началось прямо-таки паломничество интеллигенции. В 1972-м приезжал Солженицын и сидел в его квартире десять часов кряду. Задавал по списку вопросы о Февральской революции, и Василий Витальевич, которому

тогда исполнилось уже 94 года, подробно на все отвечал. Позже он надиктовал мне для Солженицына 12 тетрадей, которые мы через знакомых передали за границу. А потом Александр Исаевич в «Красном колесе» выставил Шульгина каким-то фанфароном и плохим литератором. Крайне обидно было читать такое.

Марк Касвинов целое лето жил во владимирской гостинице и ежедневно приходил записывать его воспоминания. Популярная некогда книга «23 ступени вниз» была написана Касвиновым во многом со слов Шульгина.

Приезжал и Ростропович, удивлялся, что Василий Витальевич жив, а после, стоя на коленях, целовал его руки, обещал дать концерт в честь 100-летия Шульгина у него дома.

Не раз бывал там Илья Глазунов. Однажды прислал за Шульгиным машину. Тот торжественно отправился в мастерскую художника, где Илья Сергеевич начал писать его портрет, который, к сожалению, остался незаконченным.

Умер он в какой-то мере случайно — от приступа стенокардии. Не оказалось под рукой нитроглицерина. Это произошло 15 февраля 1976 года. Ему тогда было 98. Отпевали в кладбищенской церкви рядом с Владимирской тюрьмой, где он провел много лет. На похоронах присутствовало человек 10–12, среди них — Андрей Голицын, Илья Глазунов. И тут же стоял «газик» с чекистами. Похоронили рядом с женой Марией Дмитриевной.

В его квартире в красном углу висела икона Богородицы, поскольку Василий Витальевич свято верил: «Россия — особая страна, она находится под покровом Божией матери». А может, не только верил, но и знал.

...Нашего замечательного рассказчика, близкого друга Шульгина, талантливого актера Николая Коншина в последний путь провожали сотни людей — родственников, друзей, поклонников. Место его упокоения находится под Смоленском, в деревне с красивым и символическим названием Рай.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

В. Шульгин в фильме «Перед судом истории»

**Библиотека альманаха
«Тобольск и вся Сибирь»**
Издательский отдел фонда
«Возрождение Тобольска»,
2016. — 352 с.

Поэзия Белой столицы

Елена Мачульская, Омск

2016 год стал для Омска во многом знаковым. Несмотря на то, что некоторые масштабные проекты, посвященные 300-летию города, не довели до ума (а с крепостью вообще получилось некрасиво — несколько исторических зданий вместо реставрации разобрали, обосновав крайней ветхостью, вместо них теперь новоделы — пусть даже из старого кирпича), усилиями равнодушных людей здесь, наконец, началось возвращение того, что составляет нашу историческую память. Например, увидела свет книга «Поэзия Белой столицы» — совместный издательский проект фондов «Возрождение Тобольска» (председатель Аркадий Елфимов) и «Духовное наследие» (президент Леонид Полежаев).

СБОРНИК вместил в себя особые черты, образы событий, которых хватило бы, наверно, на целое столетие. В то время, в 1918–1919-м, Омск регулярно упоминался каждой газетой в мире. На Любинском проспекте можно было увидеть «мирно прогуливавшихся иностранцев, чиновников, военных и дам. В толпе обывателей мелькали великолепные дамские туалеты, отлично сшитые френчи, фуражки всех ведомств, безукоризненные панамы и министерские портфели».

Тот безвозвратно ушедший город, ставший для многих в первой четверти XX века пристанищем последней надежды, — главный герой книги.

Алексей Ачаир оставил удивительно точный его портрет:

*На берегу двух рек раскинувшись широко,
Среди степей Сибирской стороны
Стоит он, город мой — столица воли Рока
В дни смутные, в дни тяжести войны...*

В прекрасно оформленное издание вошли некогда напечатанные в газетах Белой столицы стихотворения более шести десятков поэтов. А также тексты, дополняющие картину ее творческой жизни, — актуальные публикации, фрагменты мемуаров, фотографии. Плюс биографические сведения, которые удалось найти в архивах и библиотеках Омска, Тобольска,

Москвы, Петербурга. На эти поиски главный научный сотрудник здешнего музея имени Врубеля Ирина Деветьярова и профессор ОмГУ Валерий Хомяков потратили три года.

Имена большинства авторов современному читателю ничего не скажут. Они по понятным причинам оказались надолго забыты. Неплохо помнят в наши дни, пожалуй, только Георгия Вяткина.

Им, жившим на перекрестке эпох романтикам, досталось очень страшное время.

*Нас судьбы общие сковали,
Нас обрекает общий грех
На пляску в общем карнавале
Под медленный искристый снег...*

Так писал один из забытых стихотворцев, публиковавшийся под псевдонимом Соб.

Вдалеке от столиц бывшей империи они оставались верны Родине, Богу, избранному пути — несмотря ни на какие обстоятельства, включая те, что лаконично описаны еще одним сохранившимся инкогнито воином:

*Когда суровый скрежет стали
И властных пушек гневный стон —
Земли единственный закон, —
Не чтутся прежние скрижали.*

Произведения этих певцов «белого города» в большинстве своем соответствуют правилам изысканного стиля, отличаются изяществом формы, которую так ценили средневековые поэты-рыцари. Как и трубадуры с миннезингерами, омские барды в шинелях придавали особое значение музыке стиха. Некоторым из них довелось сражаться на фронтах Первой мировой, другие богатого военного опыта не имели. Но и первые, и вторые вели себя по-рыцарски: бились до конца, когда уже «столице воли Рока» означенный Рок никакой надежды не оставил. Ведь сражаться можно и словом.

*«Лишь степи в снегу перед Вами —
Зачем наготове Ваш меч?»
— С врагами красавицы-Дамы
Ищу столкновений и встреч!*

Имя той дамы омская поэтесса из древнего грузинского рода, графиня Нина Подгоричани, называет в последнем четверостишии своего стихотворения: Россия.

Снежные сибирские степи — арена последней, решающей битвы, составленной из множества схваток. Одни поэты описывали военные события почти репортажно, иные — более образно-обобщенно, как глобальное противостояние Добра и Зла. То по канонам европейской средневековой поэзии, то в нашей былинной стилистике.

*О Русь! где кони жениха?
Где меч его... его любовь?
Ужель твою не смоят кровь
Он кровью витязя греха?
О Русь! где кони жениха?..*

Перемешиваются эпохи, времена, пространства. За освобождение прекрасной пленницы борются и русские богатыри, и западные крестоносцы. Метет метель, звучит набат, смеется птица Сирий. Порой в грандиозное батальное полотно вплетаются мотивы из прежней жизни: строки о любви, красоте природы. Упоминаются «астра прекрасная, астра печальная, знойного лета улыбка прощальная», «костер высокий» в «очарованных горах».

Есть в книге и исполненные сарказма стилизации — «Песнь о вещем совнаркоме», «Сказка о большевике и Иване-дураке». Но гораздо больше сочинений, написанных в традициях романтической поэзии. Нередко — с ощущением всеобщей Голгофы и несокрушимой надеждой на чудо, о котором так верно и точно выразился Георгий Вяткин:

*Все мы ранены жалом терний,
Но немногим сквозь боль и позор
Улыбается свет невечерний,
Незакатное солнце гор.*

Очень разные тут стихи: изысканные и относительно простенькие, ироничные и, казалось бы, чересчур «серьезные», пламенные и этакие фаталистски прохладные — множество осколков, собранных в удивительную мозаику. А края у осколков острые. Нам, сегодняшним, известно многое из того, о чем они, господа поэты, даже думать не смели.

*Бой отсверкал. Ушли в смятеньи
Полки разбитые врагов.
Здесь, как во всем, ночные тени
Им и защита и покров!
Бегите ж дальше! Свет с востока —
Закон вам ведом мировой!
Зарей раскинувшись широкой,
Вас ныне гонит пред собой!*

Воспевавший победной для них осенью 1918-го зарю с востока георгиевский кавалер Андрей Болховской, младший брат писателя Леонида Андреева, не мог, конечно же, знать, что зорька окажется не утренней, но вечерней, а сам он через год с небольшим будет расстрелян в Новониколаевске (ныне Новосибирск).

Вообще после знакомства с книгой возникает ассоциация: свеча на ветру. В Белой столице писали и читали стихотворения по старинке, электричества в Омске не было. Точнее, оно появлялось эпизодически — в Ставке, в крупных магазинах. А ветер был всегда. Ведь город построен на равнине, открытой всем стихиям. Явственно ощущалось зловещее дыхание урагана, сметавшего все, что прежде казалось прочным, незыблемым.

Поэтов, с такой любовью писавших о России, почти на целый век вычеркнули из отечественной литературы. И вот после долгой тишины их чистые, волнующие голоса зазвучали вновь.

Теорема жизни по Лотману

Валерий Бурт

Он напоминал человека давно минувшей эпохи, каким-то странным образом занесенного в XX век. Отличался отменной аккуратностью, галантно подавал руку женщинам, всех, включая студентов, величал по имени-отчеству. Его фамилию логично было бы трансформировать в Лоцмана — из-за уникальной способности нашего героя ориентироваться в привычках и нравах, воззрениях и вкусах прошлого. 28 февраля со дня рождения Юрия Лотмана исполнится 95 лет.

УЭТОГО невысокого, пышноусого джентльмена были мохнатые брови, шапка волос, острый, пронзительный взгляд. С портрета он глядит на нас, пряча едва заметную усмешку. Словно вопрошает: «Господа, вы хотите узнать у меня нечто важное? Тогда слушайте...» Разумеется, его слушали — заворуженно, трепетно, боясь упустить даже невольное оброненное междометие.

Дворянские манеры в нем прекрасно сочетались с простоватым внешним видом. «Он походил на дворянина, — вспоминал его ученик, филолог Вадим Руднев. — Наверное, таким же был Андрей Платонов. Человек в очень плохом пальто, в шапке пирожком, маленький, похожий на доброго доктора Айболита. Потом, когда я в 1975 году приехал в Тарту учиться, увидел его на лекциях. Лекции его были совершенно удивительными, их даже трудно описать. Это было какое-то волшебство. Он открывал и закрывал книги, что-то цитировал, как-то странно, немножко неправильно картавил. На его лекции собирались со всех факультетов — экономического, медицинского, математического...»

Всегдашний его герой — человек чести, готовый за нее страдать и даже умереть. Много ли нынче таких? Наверное, можно отыскать, но с превеликим трудом.

Кто есть интеллигент по Лотману? Умный, начитанный, благородный индивид. Тот, кто готов понять другого, его мысли и взгляды. А не ругать огульно, не проклинать истошно, как это часто случается в наше время. Иными словами, не демонстрировать вопиющую антиинтеллигентность.

Литература и жизнь для него — одно целое. Он видел, как слово влияло на людские судьбы, преклонялся перед литераторами, противостоявшими вторжению в их умственные владения, храбро отбивавшими атаки на редуты их мировосприятия. Таким был и сам Юрий Михайлович. Полагал, что «жить нам надо в человеческом мире, который накладывает на нас муки выбора, неизбежность ошибок, величайшую ответственность, но зато дает и совесть, и гениальность, и все то, что делает человека человеком...»

Он долго и тщательно занимался творчеством Николая Карамзина. Труды, посвященные знаменитому историку, писателю, — одни из самых значительных в его наследии. Современники, в том числе Пушкин, нередко высмеивали Карамзина за консерватизм. В советский период тот считался реакционером, монархистом. Лотман же, напротив, как мог защищал: «Они хотели, чтобы консерватор Карамзин надел их либеральный мундир, но не понимали, что мудрый Карамзин вообще не хотел носить чей-либо мундир».

Николай Михайлович, верно, был симпатичен Юрию Михайловичу, находившему, надо полагать, между ними явное сходство.

Юрий Лотман родился в феврале 1922 года в интеллигентной петроградской семье. Жил на Невском проспекте, в доме 18 — здесь когда-то располагалась кондитерская

Вольфа и Беранже, тут же Пушкин встречался со своим секундantom, лицейским другом Константином Данзасом (а потом отправился на роковую дуэль). Если предположить, что стены иногда могут что-то говорить, нашептывать, то легко вывести: наверняка они поведали Лотману о последних часах жизни великого поэта.

Учился в Petri-Schule, бывшей гимназии, где многие предметы преподавали на немецком. Чужой язык освоил блестяще, свой знал отменно. В «Не-мемуарах» — здесь и далее цитаты оттуда — писал: «Мы очень много читали, прямо как опьяненные. За последние два школьных года я перечел собрание Толстого, отец мне купил 12-том-

ник Достоевского. У нас в семье детям дарили только книги. На это денег ни при каких обстоятельствах не жалели. А читал я как осатанелый».

К слову, все дети Михаила Львовича и Александры Самойловны Лотманов оказались весьма одаренными. Инна стала музыкантом, Лидия — филологом, Виктория — врачом. Но самый известный среди них, конечно же, Юрий. Его вклад в историю русской культуры и науки огромен.

В юности он намеревался заниматься энтомологией, однако судьба толкнула в литературу. Поступил на филфак Ленинградского университета. Со второго курса призвали в армию, отправился служить в Грузию. Незадолго до Великой Отечественной его перевели на западную границу. На политзанятиях разьясняли: сражаться с Германией не придется — мы с ней союзники. Однако все знали, что столкновение с немцами неизбежно. И старались об этом не думать.

Когда началась война, многие не то что не испугались, но воспрянули духом. «Точно помню охватившее нас (пишу «нас», потому что мы на эту тему говорили) общее чувство радости и облегчения, какое бывает, когда вырвешь больной зуб». Эйфория прошла быстро. Солдаты, среди которых обретался все еще очень молодой Лотман, уходили в глубь страны, а «девушки из приграничных деревень забрасывали нас цветами и кричали (это точно, так оно было): «Не пускайте к нам немцев!»

Увы, отступать пришлось — и очень долго. Потом наступали — тоже небыстро. Лотман иронично заметил, что рассказывать о том времени трудно, ибо что такое война, знают только те, кто никогда на ней не был.

Он, связист, орденносец, воевал «от звонка до звонка». «Осмелюсь сказать, что жестокий сталинский террор, прокатившийся по армии, пусть это покажется диким, имел,

вопреки ожиданиям и самого Сталина, положительную сторону — он очистил армию от бездарных и некультурных командиров, доставшихся от первых послереволюционных лет. Конечно, среди репрессированных были и мужественные, и талантливые люди — они погибли в первую очередь, но террор был столь широким, что под него попадали и дураки...»

Окончание Великой Отечественной выглядело в его глазах совсем не таким, как показано в фильмах — с ликованием и песнями. Все вокруг замерло: «Вдруг, и казалось без видимой причины... охватила гнетущая смертная тоска — не скука, а именно тоска... пили по-мертвому и не пьянели. Приходилось вспоминать и давать себе отчет в том, что в эти годы старательно забывалось».

Юрий вернулся в университет, жадно принялся за учебу. После лекций спешил в библиотеку и сидел там до самого закрытия. Испытывал «совершенно ощутимое чувство счастья». С получением диплома, думалось, все дороги откры-

ты. Но тогда, в 1950-м, развернулась очередная кампания, на сей раз — против безродных космополитов. Стало быть, в известной мере и против него...

Пришло время распределения. Лотман пишет: «Меня вызвали, я зашел, на меня посмотрели, хотя они меня знали, и я их знал как облупленных, и сказали: «Выйдите, обождите, еще рано» (зачем они меня вызвали, я так и не понял). Был проделан обряд, напоминающий когда-то выдуманный Николаем I, когда приговоренных поляков прогоняли сквозь строй в определенном порядке, так что глава восстания проходил последним и до этого должен был видеть, как забивали до смерти всех его соратников...»

Ему ничего не предложили — иди, мол, куда хочешь. Он искал работу везде, но под разными предложениями всюду отказывали. Наконец, по совету знакомой позвонил ректору пединститута небольшого эстонского города Тарту, где было вакантное место преподавателя литературы. Тот, выслушав, сказал, что есть резон ему приехать.

«Одевшись в слегка перешитый отцовский черный костюм, единственный мой «праздничный», я поехал в Тарту, где остался на всю остальную жизнь». Лотман стал преподавателем вуза. Спустя несколько лет перешел в университет. Карьера продвигалась: его назначили заведующим кафедрой русской литературы. Проработав на этом посту двадцать с лишним лет, Юрий Михайлович, уже человек известный — доктор наук, профессор, решил уйти с должности. Пожаловался на здоровье. Оно и впрямь пошатнулось, хотя подописка была иная: административный пресс давил все сильнее, мешая нормальному творчеству. К тому же пришлось познакомиться с сотрудниками КГБ — из-за дружбы с диссиденткой, поэтессой и переводчицей Натальей Горбаневской. Она некогда принесла ему на хранение кипу листов, в них он даже не заглянул. Но кто-то увидел это и донес.

«Формула, с которой они вошли к нам, стала в нашей семье крылатой: «С Новым годом, Юрий Михайлович, с новым счастьем, Вы меня, на-

Ю. Лотман с коллегами у дверей Тартуского университета. 1982

ФОТОГРАФИИ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ КАФЕДРОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

верное, не помните, я — К., работник прокуратуры. Вот пришли к Вам с обыском». Дело происходило в начале января 1970 года...»

Опасных бумаг гости не нашли и, смертельно усталые, поскольку пришлось перерыть кучу вещей и книг, покинули квартиру профессора. Впрочем, ректору было доложено, что при обыске у Лотмана обнаружили документы антисоветского характера. «Этот хвост за мной тянулся еще долго, и в частности послужил основанием тому, что длительное время мне не разрешали заграничных поездок, даже тогда, когда все эти основания и все эти запреты перестали активно выполняться».

Профессор был смещен с поста заведующего кафедрой русской литературы, а потом переведен на другую — зарубежной литературы. Его голос, прежде очень громкий, становится все глуше. Печатается Юрий Михайлович редко, да и то в основном в Эстонии. Однако его вклад в науку по-прежнему высоко ценится в стране — он часто приезжает в Москву и Ленинград с лекциями и докладами.

В 1980-е ситуация меняется к лучшему. Лотман снова на виду — журналисты стремятся получить интервью, организаторы встреч и слушатели ждут его выступлений. Он выпускает несколько работ, которые становятся предметами жарких дискуссий: «Александр Сергеевич Пушкин: биография писателя», «Сотворение Карамзина», «Культура и взрыв». Серия телепередач «Беседы о русской культуре» собирает у экранов миллионы зрителей.

Практически всю сознательную жизнь Юрий Лотман исследовал русскую литературу второй половины XVIII — середины XIX века. Точнее, жил в том времени, рядом с Радищевым, Карамзиным, писателями-декабристами, Пушкиным, Гоголем — его лучшими друзьями. Говорил: «Истина не бывает «для всех и ни для кого». Рылеев макси-

мально жертвовал, когда пошел на эшафот, а Пушкин — когда не пошел на эшафот...»

Лотман был одним из основателей тартуско-московской семиотической школы. Пытался совместить математику и лингвистику, выявить в культуре универсальный код. Его усилия в то время не нашли понимания у коллег. Школа распалась, оставив, впрочем, после себя долгую память. «И, пожалуй, самое поразительное было — обилие блистательных умов... — отмечал Юрий Михайлович. — Постфактум разбирать, кто сделал больше, бессмысленно. Другое дело, что заложенный общими усилиями потенциал еще не исчерпан».

Написанное Лотманом, при всей сложности стоявшей перед ним задачи, — не густые заумные дебри, сквозь которые трудно пробраться, мысленно не оцарапавшись, но логичные, доступные многим текст. «Популяризация — трудный жанр, — утверждал он. — Очень сложно упростить тип разговора, не упрощая содержания. Ломоносов однажды заметил: ясно говорят, когда ясно понимают. С массовым читателем может говорить только очень квалифицированный автор».

В последние годы жизни исследователь был свободен от запретов и ограничений. Объездил множество стран, стал ученым общемирового уровня. Все так же был жаждою познания всего сущего — занимался не только литературой, но и историей, журналистикой, культурологией, бытом, театром, кино, живописью. Из-под его пера вышли сотни научных и научно-популярных статей и книг.

Ученица Лотмана, литературовед Любовь Киселева рассказывала: «Я помню его «непедагогические» советы нам, первокурсникам: надо стараться урывать время от сна, для того, чтобы читать — всегда, везде, все время читать. Он сам читал очень быстро и много, но всегда советовал на то, как мало успевает прочесть... От всех недугов он лечился работой. Так было всегда, особенно это стало очевидно в последние годы и месяцы жизни: смертельно больной, в весеннем семестре 1993 года он читал лекции, за месяц до кончины диктовал статью и давал интервью».

Он как бы во всеуслышание вопрошал: «Итак, чему же учатся люди?» И сам же давал ответ: «Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совести. Это три предмета, которые необходимы в любой Школе и которые вобрало в себя искусство. А искусство это по сути своей Книга Памяти и Совести. Нам надо только научиться читать эту Книгу».

Великие реалисты

ФОТО: РИА НОВОСТИ

И. Шадр. 1941

Оружейник пролетариата

Ксения Воротынцева

130 лет назад, 11 февраля, родился Иван Шадр, создатель хрестоматийной скульптуры «Булыжник — оружие пролетариата», один из неординарных творцов, причудливо смешавших модерн с академизмом. В наши дни он оказался практически забыт. Его причислили к идеологизированным авторам, при том что этот уроженец уральских земель стремился держаться подальше от высоких чинов и политических интриг.

НЕОБЫЧНОЙ фамилией он обязан собственному воображению. Появившись на свет в семье потомственного плотника Дмитрия Иванова, тягой ко всему сказочному, необычному будущий мастер сильно напоминал отца. Исконная русская фамилия показалась юному таланту мало подходящей для искусства: «Нас, Ивановых-то, слишком уж много. Надо же как-то отличить себя от других Ивановых, ну я и взял себе псевдоним «Шадр» — от названия родного города (Шадринск. — «Свой»), чтобы прославить его».

Детство Вани было полно лишений. Жили бедно. В 12 лет мальчика привезли в Екатеринбург и отдали в услужение купцам Панфиловым. Здесь он подружился с одним из владельцев

Александром Яковлевичем, не чуждым искусства. Благодаря ему познакомился с репродукцией «Сикстинской Мадонны», произведшей на отрока огромное впечатление. В 1901 году Иван решился поступать в Екатеринбургскую художественно-промышленную школу. И неожиданно был принят, хотя не имел соответствующей подготовки.

В 1907-м вместе с сокурсником и другом Петром Дербышевым они отправились в пешее путешествие по России. Конечной целью являлся Петербург, точнее, Академия художеств. Шли вдоль Камы и Волги, заглянули на Кавказ, исследовали Украину. В Киеве на вокзале потеряли друг друга. Волею случая вновь встретились в Москве, в Третьяковской галерее. Но Дербышев уже раздумал ехать в Северную столицу, Иван отбыл туда в одиночестве. Экзамены провалил: не хватило навыков рисунка. Не сдался и на Урал не вернулся. Остался в Петербурге, познакомился с шарманщиком, «ходил с обезьянкой на плече, полумертвой от холода и голода носительницей чужого счастья». Неизвестно, чем бы кончилось бродяжничество, если бы упряму снова не свезло: его пение под шарманку услышал режиссер Александринского театра Михаил Дарский. По рекомендации мэтра

парня допустили до приемных экзаменов на Высших драматических курсах Санкт-Петербургского театрального училища. Шадр блестяще выдержал испытание и попал в класс премьеры Александринки Владимира Давыдова.

Казалось, артистичному юноше можно было не беспокоиться о будущем. Однако он буквально разрывался между двумя стремлениями: «Я мечтал, чтобы у меня пропал голос. Или, если мне уж суждено

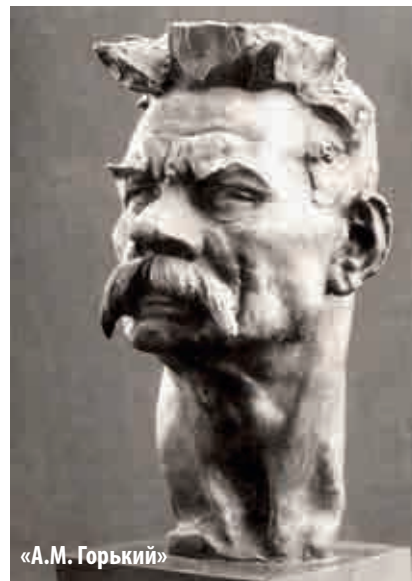
стать актером, отсохла рука, и я не мог держать карандаша».

Как ни странно, к выбору в пользу изобразительного искусства его подтолкнул именно Давыдов, сведший Ивана с Николаем Рерихом. Последний согласился принять молодого человека в школу Общества поощрения художеств без экзаменов. В итоге в 1908-м Шадр оставил драматические курсы.

Вскоре познакомился с Ильей Репиным. Перед этой встречей в Куоккале ожидал, что она будет напоминать разговор Пушкина с Державиным. Но классик живописи, отличавшийся сдержанностью, молча посмотрел рисунки и сухо сказал: «Через пятнадцать минут отправляется последний поезд в Петербург. Вам надо тотчас идти. Иначе вы опоздаете».

Начинающий художник был ошарашен, однако, придя через несколько дней к Давыдову, устроившему это знакомство, узнал, что от Репина получено хвалебное письмо.

Большое влияние на юношу оказали путешествия за границу и приобщение к европейской скульптуре — от античности до современности. Ивану Дмитриевичу дважды удалось убедить Шадринскую городскую думу выделить средства на учебные поездки. Вначале он отправился в Париж, где, как впоследствии вспоминал, многому научился у Родена. Хотелось увидеть и классиков ваяния. В итоге Шадр перебрался в Италию. Те события позднее описывал со свойственным ему живым юмором: «В Рим я уехал из дома в холода, в отцовских валенках. Пишу оттуда письмо: «Тятя, какие в Риме дворцы, пальмы!» А он отвечает: «Пальмы-то пальмы, а ты пошто пимы-то мои

увез?» Здесь ему пришел в голову образ, предвосхитивший другие грандиозные творения. Шадр спроектировал архитектурно-скульптурный ансамбль «Памятник мировому страданию» (Италия тогда воевала с Турцией; в воздухе носилось предчувствие Первой мировой). Центром замысла стала ступенчатая пирамида — гробница жертв войны. Увы, эти планы так и остались на бумаге.

В 1912-м он вернулся в Россию, и с тех пор его творческая судьба была неразрывно связана с Родиной. Во время Гражданской войны жил в Омске, в 1921-м вернулся в Москву. Через год от Гознака поступило предложение создать образы красноармейца, рабочего, сеятеля и крестьянина — новую эмблематику для советских ассигнаций, выпущенных в рамках реформы. Ивану Дмитриевичу удалось убедить представителей Гознака, что сначала надо вылепить круглые скульптуры, чтобы проще было выбрать нужный ракурс для гравюры. В дальнейшем портреты украсили не только банкноты и почтовые марки, но и облигации займов и даже коробки папирос «Смычка».

Карьера пошла в гору. Ему поручили сделать натурный посмертный портрет Ленина. Как писал сам Шадр, тогда, на официальном прощании в Колонном зале Дома союзов, он впервые увидел вождя мирового пролетариата. Вскоре скульптор создал и свою самую знаменитую работу — «Булыжник — оружие пролетариата». Копиями экспрессивной композиции много лет снабжались советские музеи, а теперь они практически исчезли из поля зрения публики. Полюбоваться на них можно в Парке Декабрьского восстания в Москве, а также в Музее современной истории России.

Далеко не все знают, что Шадр — автор «Девушки с веслом», установленной в 1935 году в Парке имени Горького. Обнаженная красавица простояла недолго: ее посчитали слишком вызывающей и передали в луганский Парк культуры и отдыха. Там она впоследствии исчезла. Для столицы Шадр изваял новый вариант, в послевоенное время также канувший в Лету.

К художнику в его зрелые годы фортуна явно повернулась спиной: при всем обилии заказов многие вещи не были воплощены либо пропадали неведомо куда. Сохранились правда, надгробия на могилы Надежды Аллилуевой, дрессировщика Владимира Дурова — на Новодевичьем кладбище. Кроме того, доступна для обозрения скульптура «Сезонник» в сквере недалеко от станции метро «Красные Ворота». Искусствоведы полагают, что этого за-

думчивого старика Иван Дмитриевич лепил со своего отца. Наконец, трудно забыть о знаменитом памятнике Горькому, ранее стоявшем у Белорусского вокзала, а теперь сосланном в парк искусств «Музеон». Монумент значительно отличается от скульптурного портрета писателя (1939), хранящегося в Третьяковской галерее. В последнем случае Шадр, вдохновлявшийся образом «Буревестника», создал произведение в духе модерна, отсылающее к творениям Родена или Конёнкова.

К сожалению, установка привокзального памятника велась уже после смерти мастера: скульптуру поручили доработать Вере Мухиной, прекрасно относившейся к Ивану Дмитриевичу, но исповедовавшей другой, более рациональный подход. В итоге Горький получился не писателем-романтиком на стыке Серебряного века и новой советской литературы, а готовым классиком.

Художник ушел из жизни 3 апреля 1941 года. Одной из последних его работ стал «Портрет жены» (1940): красивая печальная головка с огромной слезой на щеке; Татьяна Владимировна, верная спутница, словно чувствовала не только скорый уход мужа, но и печаль-

ную участь его творений. Однако хочется верить, что история еще не все расставила по своим местам.

«Булыжник — оружие пролетариата»

Маршал С ЗОЛОТЫМ СЕРДЦЕМ

У питерцев к личности Леонида Александровича Говорова отношение особое. С именем этого командующего фронтом связаны операции по прорыву вражеского кольца в январе 1943-го и полное снятие осады спустя год. После победы под Ленинградом его по праву причисляют к плеяде выдающихся русских полководцев. Отклики о нем, содержащиеся в книгах и воспоминаниях, заботливо собирают в Музее обороны и блокады. 22 февраля со дня рождения маршала исполнится 120 лет.

Л. Говоров вручает гвардейское знамя 63-й гвардейской дивизии после прорыва блокады Ленинграда. 1943

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Алексей Захарцев, Санкт-Петербург

КАДРОВЫЙ военный еще имперской закваски, подпоручик, осенью 1919-го он бежал от Колчака в Томск к красным. С начала 20-го — командир артдивизиона 51-й стрелковой дивизии под командованием Василия Блюхера. Дважды ранен — под Каховкой и Антоновкой. За мужество и отвагу при Перекопско-Чонгарской операции в 1921 году награжден орденом Красного Знамени.

Пройдя по всем командным ступенькам регулярной армии, Говоров принимает активнейшее участие в укреплении артиллерийской школы страны. В 1939-м заканчивает свой первый научный труд на тему «Атака и прорыв укрепленного района».

В 1940-м, будучи начальником штаба артиллерии 7-й армии, обеспечивает прорыв линии Маннергейма, за что награждается орденом Красной Звезды. Досрочно становится комдивом, а через несколько месяцев — генерал-майором, заместителем генерал-инспектора артиллерии.

В мае 1941-го берет под начало Артиллерийскую академию имени Дзержинского. С первого дня Великой Отечественной — на фронте, в должности начальника артиллерии Западного стратегического

направления и Резервного фронта активно занимается созданием системы противотанковой обороны, подготовкой Ельнинской наступательной операции, Можайской линии обороны. В октябре по ходатайству Георгия Жукова принимает командование 5-й общевойсковой армией.

Вскоре получает звание генерал-лейтенанта, 10 ноября — орден Ленина, а уже 2 января 1942-го за вклад в декабрьское наступление под Москвой — вторую такую награду.

«Генерал-лейтенант тов. Говоров командует войсками Пятой армии с 18 октября 1941 года. Можайскую и Звенигородскую оборонительные операции провел успешно. Хорошо ведет наступательные операции по разгрому Можайско-Гжатской группировки противника. В оперативно-тактическом отношении подготовлен хорошо... Тов. Говоров твердой воли, требовательный, энергичный, храбрый и организованный командующий войсками», — говорится в характеристике, подписанной Жуковым. И в Ленинград Леонид Александрович был, вероятнее всего, переведен по рекомендации Георгия Константиновича.

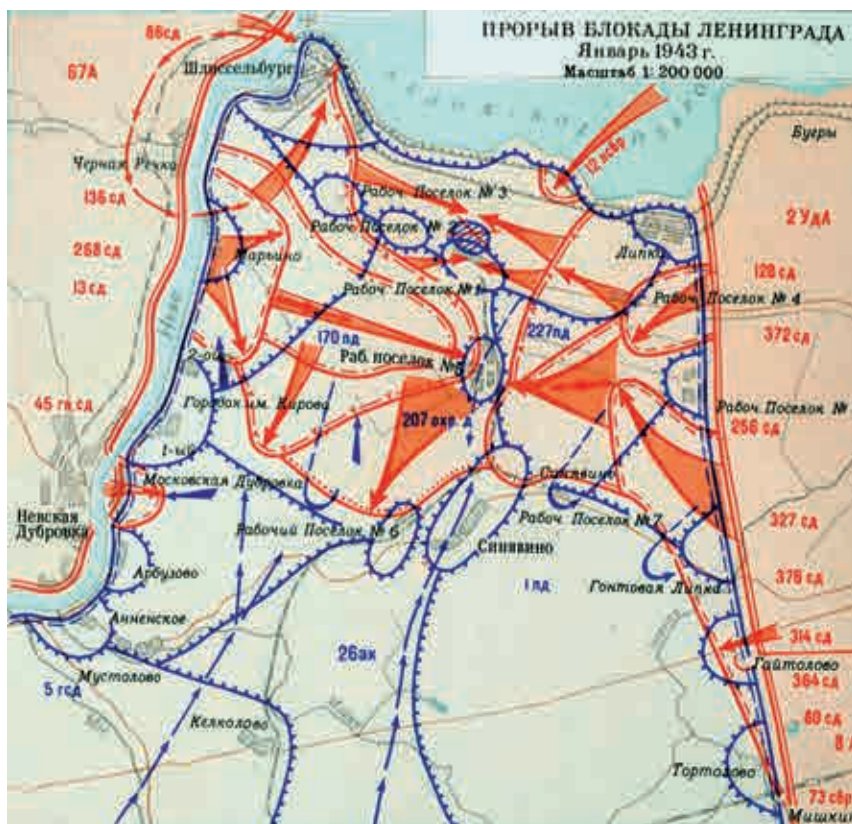

ФОТО: ВСЕВОЛОД ТАРАСЕВИЧ/РИА НОВОСТИ

Говоров стал тогда едва ли не единственным не числящимся в рядах ВКП(б) командующим фронтом, то есть блестящую карьеру сделал без партийных «паровозов». Не слишком щедрый на похвалы Андрей Жданов впоследствии так оценил его качества: «Пожалуй, лучшего командующего, чем Говоров, для Ленинградского фронта не найти».

В конце апреля 1942-го, когда он прибывает на невские берега, осажденная Северная столица подвергается жесточайшим артобстрелам с Пулковских высот, непосредственно с городских окраин. Обессиленные, но несломленные ленинградцы на круглосуточной трудовой вахте: выпускают оружие и боеприпасы, которые тут же доставляются на передовую (до линии обороны можно было доехать на трамвае), а в свободные часы убирают улицы. Участвовать в фортификационных работах в полной мере им уже невмочь. Сложнейшая обстановка и по всему периметру блокадного кольца. Воины измотаны, у бойцов нет сил восстанавливать минные поля, многие траншеи развалились, в блиндажах полно воды, большинство служащих понтонных частей погибли у Невской Дубровки — здесь, напомним, сражался и был тяжело ранен отец нашего президента Владимир Спиридонович Путин.

Историк и публицист Валерий Островский так описывает первые шаги нового командующего: «Л.А. Говоров лично объехал и обошел позиции всех армий Ленинградского фронта, по его указанию углублялись окопы и ходы сообщений, усиливалась противотанковая оборона, артиллерийское обеспечение, была создана невиданная до тех пор ни на одном из фронтов плотность артиллерийского огня, составлявшая... почти 32 орудия на километр. Но главное, оборона укрепилась с целью наступления. Убедившись в

Л. Говоров принимает парад на Дворцовой площади. 1946

ее прочности, Говоров высвободил из первого эшелона несколько дивизий и приказал обучать их атакующим действиям. Решение было мудрым и дальновидным... Почти ежедневно командующий находил время, чтобы со своими помощниками поколдовать над графиком очередного упреждающего удара. Он сумел добиться увеличения снабжения боеприпасами, наладил взаимодействия различных звеньев, настаивал на безусловном выполнении пятидневных планов по уничтожению артиллерии противника. Гитлеровцы хитрили, меняли огневые позиции, строили ложные имитационные звуковые установки, увеличивая интервал между орудиями, но хорошо налаженная авиацион-

ная и звукометрическая разведка быстро выявляла расположение батарей противника, и артиллеристы фронта и флота наносили мощные удары. Говоров особенно позаботился о безопасности нашей артиллерии, создавались совершенно новые типы укрытий из броневой стали. Результаты предпринятых усилий город почувствовал сразу — за первые три месяца 42-го года фашисты выпустили по городу 20 817 снарядов, а за июль — декабрь 42-го года — 7699. Преимущество противника в артиллерийском обеспечении, а главное — в умении вести огонь по Ленинграду, было утеряно окончательно».

Генерал Георгий Дмитриевич Голубев в своей книге «Вопро-

сы артиллерийского снабжения» подтверждает: «Я старый солдат, служил еще в империалистическую. За долгие годы видел и знал многих великих нашего военного мира. Но до гробовой доски буду гордиться тем, что служил под командованием Леонида Александровича Говорова».

Поразительный был человек, молчун, вечно без улыбки на лице, а какое золотое сердце. Возможности наши для военных действий, когда он принял фронт, были, прямо скажем, мизерные. Готовим мы как-то небольшую, местного значения, операцию. А со снарядами совсем плохо. Получается пять снарядов на пушку. Говоров молчит, только хмурится, потом говорит — мало, хотя бы по семь, я молчу. Возможности наши лимитировались в тот момент мощностью ПСМ, передвижной снаряжательной мастерской, где работали, и не просто, а героически, девушки. Говоров произносит — поезжай к ним, попроси. Я докладываю — товарищ командующий, у меня нет совести их просить, они и так работают сверх всяких человеческих возможностей. Говоров долго молчит. «Ладно, я сам поеду, попрошу». Поехал сам командующий к девушкам, попросил, и к началу операции ПСМ дала по семь снарядов на пушку, выше любых возможностей, а дала».

Вряд ли есть смысл пересказывать хронику эпизодов исторической битвы. Достаточно напомнить, что основные удары по прорыву и снятию блокады были нанесены изнутри осажденного города. Под носом у врага, который мог наблюдать Ленинград в бинокль и обстреливать из орудий чуть ли не до центральной части, удалось сосредоточить колоссальные воинские формирования, подготовить и провести успешные операции. Вот лишь несколько штрихов, характеризующих прежде всего командующего фронтом.

Валерий Островский: «Каждый день, приближавший операцию, как бы натягивал тетиву лука, и стрела уже была готова поразить врага. Когда в те дни отдыхал Л.А. Говоров, и отдыхал ли вообще, никто сказать не мог. Давая полную инициативу подчиненным, он в то же время вникал во все: хватит ли лыжных установок для станковых пулеметов и минометов, шесть или семь минут потребуется для преодоления Невы по льду, как будут действовать войска за второй, за третьей линией гитлеровской обороны, смогут ли артиллеристы организовать огонь так, чтобы, попадая в узлы обороны противника, не повредить ни единым снарядом невиский лед... 11 января 1944 года в Смольном собрался военный совет Ленинградского фронта. Присутствующим сообщили точные сроки начала наступления... Говоров в своем выступлении был менее, чем прежде, скуп на слова, говорил по-отечески мягко: «Я знаю, что и люди, и техника готовы к бою, и нужно в оставшиеся часы до наступления еще раз все проверить. А главное — будьте среди бойцов, дышите с ними одним воздухом, бодрящим словом и дельным советом поддерживайте их моральный дух».

А вот расшифровка радиорепортажа собкора Всесоюзного радио по Ленинградскому фронту Матвея Фролова: «Рабочие Н-ского завода... встречались с командующим Ленинградским фронтом генералом Говоровым. Рассказали, как работает предприятие,

какую продукцию выдает фронту, а потом спросили: «Когда же блокада будет полностью снята?» Леонид Говоров улыбнулся: «Наша армия выполнит стоящие перед ней задачи».

27 января 1944 года почти 900-дневная беспримерная осада закончилась. Единственный раз за всю Великую Отечественную приказ о праздничном салюте в ознаменование победы в Северной столице подписал не Верховный главнокомандующий. Сталин делегировал эту честь генералу Говорову.

Далее под его руководством была освобождена Прибалтика, наши войска подавили Курляндскую группировку гитлеровцев и приняли их капитуляцию. Полководческий талант Леонида Александровича отметили маршальской звездой, орденом «Победа» и званием Героя Советского Союза.

Судьба отвела ему лишь десяток послевоенных лет, которые он посвятил научной работе исследователя-артиллериста — без отрыва от руководства войсками. Командовал округом, инспектировал Вооруженные силы страны, возглавлял Противовоздушную оборону СССР. Проводил реорганизацию структуры управления ПВО — на вооружение стали поступать зенитно-ракетные комплексы, реактивные истребители, радиолокационные станции.

Его научное и полководческое наследие изучается в военных академиях и по сей день, а память о нем в сердцах соотечественников будет жить всегда.

ФОТО: СВЕТЛАНА ХОЛЯВЧУК/ИНТЕРПРЕСС/ТАСС

Мемориальный комплекс
«Разорванное кольцо»

Стоп-кадр

Барышня-крестьянка

Николай Ирин

Фильмография Любови Орловой — 11 февраля исполнится 115 лет со дня ее рождения — количественно невелика. А среди этих киноработ резко выделяется могучая пятерка, произведенная под началом Григория Александрова: «Веселые ребята», «Цирк», «Волга, Волга», «Светлый путь», «Весна».

ВЫХОДИТ, она не была трудоголиком? Ответим на этот вопрос так: про ее рабочий режим знать-ведать и «не положено», и не интересно.

Да, маловато, конечно, хотелось бы побольше. Зато все — чистейшее золото. Александров привез из Голливуда, где поработал и пожил в компании Сергея Эйзенштейна, саму идею кинозвезды. К примеру, Вера Холодная, при всем к ней уважении, не более чем миф эпохи раннего синематографа. Массовое общество тогда толком не сформировалось. Кино не было важнейшим из искусств, не претендовало на могущество, на власть над умами и душами.

Орлова — светило экрана, и этот факт объективен. А звездам не пристало акцентировать «усилие» или выпячивать ранимость.

Чтобы понять ее феномен, достаточно сравнить типологически схожие роли ученых дам из двух безупречных отечественных картин. В «Сердцах четырех» Константина Юдина Валентина Серова играет математика, у Любови Орловой в «Весне» — образ физика. Первая тоже хороша собой, бесконечно обаятельна, технически оснащена, по-особому умна. Она, наконец, также (была) сверхпопулярна. Серова выдает массу психологических подробностей, проживает хитро-сплетения сюжета, отождествляется с персонажем.

Совсем не то — Орлова, у нее — эмблема, где-то даже маска. Она именно звезда, расположившаяся по воле и замыслу постановщика выше прочих, над занимательной фабулой. Любовь Петровна не сливается с героинями в полной мере. Мы видим собственно Орлову — «в ролях», а фильм помогает ей предьявить самое себя. Причем не столько даже мастерство, сколько таинственную субстанцию артиста-небожителя. Благодаря этому феномену и ему подобным СССР воспринимается в качестве полноправного участника всемирного цивилизационного проекта. В морально-этическом отношении, в плане идейном, а не только «в области балета» бежал он впереди планеты всей. И в социальных технологиях никакой отсталости (а равно тупиковости) там не было.

Конструируя из актрисы музыкального театра образ всесоюзной суперзвезды, Александров ориентировался на американские и европейские прототипы, вроде Марлен Дитрих. Однако не эти опыты сделали возможным сумасшедший культ Орловой.

Фактор звезды — предельно важный элемент массового городского общества. Когда люди разбредаются из общин и корпораций по индивидуальным ячейкам, когда труд становится менее тяжким, а досуг — более продолжительным, неизбежно возникают вопросы. Как

«Веселые ребята». 1934

«Волга, Волга». 1938

СТОП-КАДР

организовать продуктивное социальное взаимодействие? Кто герой (героиня) нашего времени? Каков общественный идеал? Что надеть, как себя вести, к чему стремиться, чтобы совпадать и резонировать, а не конфликтовать и противоречить? Корифеи кино выполняли важнейшую социализирующую функцию.

Гений Александрова как раз в этом. Он точно выстраивал, а затем последовательно воспроизводил эмблематический образ новой русской красавицы. Той, которая практически всегда из народа, из низов (даже в роли американки в «Цирке»), но чей потенциал безграничен, артистизм безупречен, талант завораживает.

Приглядитесь, насколько тщательно следит муж-режиссер за тем, чтобы Любовь Петровна держала дистанцию по отношению ко всякой своей героине. Марина Ладынина, муза и супруга его друга-соратника Ивана Пырьева, разрешает себе внутреннее совпадение с персонажем, у них одно тело на двоих. Орловой же такое слияние категорически запрещено. Ей надо всегда оставаться немного в стороне и при этом искусно сигнализировать зрителю: здесь, на экране, присутствует сильный элемент условности, актриса-звезда своей героине не ровня, не тождественна.

Впоследствии подобное удавалось разве только Гурченко. Впрочем, Людмила Марковна порою жертвовала звездным статусом, проваливаясь в потусторонний, экранный мир, начиная жить по его законам, оснащая образ всякими психологическими подробностями. Орлова, по крайней мере в картинах под руководством Александрова, такого себе не позволяла.

Возможно, ограничения ее тяготили. Она — очень сильная, техничная актриса, что не однажды доказывала на театральной сцене, а играть «нюансы» чрезвычайно интересно, тут, что называется, хлебом не корми, но... Выходить за пределы звездного ампула ей не до-

зволялось — Орлова у нас была одна.

Когда возраст дал о себе знать, Любовь Петровна фактически прекратила сниматься. Истории с «Русским сувениром» (1960) и особенно со «Скворцом и лирой» (1974) чересчур драматичны: следовало поменять имидж, манеру, однако, повторимся, единственной мегазвезде отечественного экрана превратиться в великую психологическую актрису было не суждено.

Как же ей удалось стать эмблемой, символом, если не идиологом? Знатное происхождение, бережное, ответственное воспитание, разностороннее образование вступили в реакцию с тем социальным вызовом, который бросила ей, аристократке, новая, демократичная по своим установкам общественная жизнь.

Она родилась в 1902 году в подмосковном Звенигороде, в дворянской семье. Отец служил в военном ведомстве, имел высокие царские награды. Мать происходила из старинного рода, состоявшего в родстве с семейством Льва Толстого.

В 1919–1922 годах Люба училась в Московской консерватории по классу фортепиано. Не окончив, поступила на хореографическое отделение Театрального техникума имени Луначарского (ныне ГИТИС), где занималась вплоть до 1925-го. Параллельно брала уроки театрального мастерства у педагога МХАТа, работала преподавателем музыки, тапером в кинотеатрах. Потом — брак с довольно крупным советским чиновником, внезапная материальная обеспеченность, поступление в Музыкальную студию при Художественном, где Орлова довольствовалась эпизодическими ролями, участием в хоре и кордебалете. В 1932 году сыграла Перикола в одноименной оперетте Жака Оффенбаха и стала широко известной в узких артистических кругах советской столицы.

Александрова привел на тот музыкальный спектакль приятель, восхищенный исполнительницей заглавной роли. Григорий Васильевич восхитился никак не меньше. Горячо аплодировал, предложил знакомство и главную роль в своей первой самостоятельной постановке. А дальше принялся за конструирование звездного имиджа по известным ему лекалам...

Парадоксальность предложенного Александровым универсального образа заключается в том, что она, надев совсем не бытового происхождения маску, в столь же далекой от прозы жизни манере играла героиню, с головой погруженных в быт, утопленных в сугубо реалистическую фактуру.

Например, в «Веселых ребятах» — среда мещанская или вовсе нищенски простецкая. Здесь обитают соответствующие социальные типы, и все они, включая пастуха в исполнении Леонида Утесова, — мягкие, податливые, благодушные, по большому счету довольные собственным бытием. Орлова же демонстрирует некое внутреннее беспокойство: несколько оригинальных мимических фигур недвусмысленно сигнализируют: ее героиня не на своем месте. Причем это не заурядное недовольство жизнью, не причуды капризного характера. Напротив, персонаж — девушка, твердо уверенная в своей особой стати и собственной уникальной миссии. Как актриса подыскивала, подбирала эдакие необходимо грубоватые, порой на грани потери хорошего вкуса ужимки, выражения лица — тайна искусства, загадка ее и Александрова совместной творческой лаборатории.

Но — благополучно нашла. И мы бессознательно ощущаем, что подлинная сюжетная линия картины заключена в манифестации несоответствия между тайной самоуверенностью героини и ее социальным статусом. Когда Аня оказывается на эстраде, то есть в сказочно ярком, целиком приду-

Г. Александров и Л. Орлова. 1960-е

ФОТО: ФОНДРИА НОВОСТИ

манном, предельно неестественном мире, — облегченно вздыхаем: вот же про что это кино!

В сущности, звезда есть нечто принципиально неземное. В термине «культурный образец» содержится вызов и природе, и бытовой рутине. Орлова раз за разом по-

Несравненная, во многом одинаковая экранная дива Орловой — это стерильная Культура, почти абстракция, недостижимая и надмирная

казывает, как посреди обыденных фактур может существовать подчеркнуто искусственное, но именно поэтому всем нам крайне необходимое.

Прекрасные героини Серовой или Ладыниной по большей части — ровня нашим женам, матерям, дочерям. Несравненная, во многом одинаковая экранная дива Орловой — это стерильная Культура, почти абстракция, недостижимая и надмирная.

Принято выделять небывалую красоту Любви Петровны. Дело

вкуса. На чей-то взгляд, она не смотрится чемпионкой в соревновании биологических форм и параметров. Понине притягивает и поражает не тем, чем изначально одарила ее матушка-природа, но тем, что над этими природными данными надстроено.

В удивительно смелой, прорывной послевоенной картине Александрова «Весна» метод конструирования образа выносится на поверхность. Для того, чтобы сделать кино реалистичным, режиссеру требуется двойник угрюмой женщины из плоти и крови. И — невероятно — таковой, артистичной и легкомысленной, удачно находится.

В свою очередь «угрюмая женщина», замороженная образной игрой, начинает азартно подражать двойнику, почти антиподу. Остроумная конструкция фильма позволяет артистке выразить суть своего творческого метода во всем его великолепии.

Этот автокомментарий, легкий по форме, но интеллектуально насыщенный по содержанию, наглядно показывает: простушки из фильмов 30-х годов были не кем иным, как ловко замаскированными, сложно сочиненными фантазмами, замысловатой игрой поистине феноменального воображения.

Проверено
временем

ФОТО: АЛЕКСАНДРА МУДРАЦКАЯ

Николаевский фронт

Денис Бочаров

21 февраля 60-летний юбилей отметит Николай Расторгуев, замечательный вокалист, отменно сочетающий тонкое лирическое начало и лихой, удалой напор; истинный патриот — то есть без лукавой приставки «ура». А главное, человек, всем своим сценическим обликом демонстрирующий: вот он, настоящий мужик. Такие на современной эстраде на вес золота.

ИМЯ Расторгуева было знакомо любителям творчества советских ВИА задолго до всесоюзного триумфа «Любэ». С конца 70-х он выступал с разными музыкальными командами. Наиболее заметные: «Шестеро молодых» — там Николай пел в дуэте с будущим вокалистом «Арии» Валерием Кипеловым, «Лейся, песня», «Рондо». Вместе с ансамблем «Здравствуй, песня» принял участие в первом официальном московском рок-фестивале в 1986 году.

Однако всенародная популярность артиста связана именно с группой «Любэ», основанной в 1989-м. Ее стилистические рамки определить, несмотря на кажущуюся очевидность, не так-то просто. Если окинуть пристрастным взглядом без малого тридцатилетнюю историю

проекта, то можно довольно четко разделить ее на три отрезка. Причем каждому соответствует название альбома из дискографии: «Атас» — начальный, «пацанский» период с соответствующей озорной тематикой; «Песни о людях» — глубоко лиричная полоса, где преобладают композиции с подчеркнута человеческими, народными интонациями; «За тебя, Родина-мать» — героико-патриотическая стезя, на которой музыканты прочно обосновались более десятка лет назад.

На всех этапах группа выглядела предельно органично. Ни на минуту не возникало ощущения, что она пытается втиснуться в тренд, подыграть конъюнктуре или въехать на белом коне в условный Кремль. А ведь не секрет, что коллектив давно уже негласно считается едва ли не «придворным». В том-то и вся штука — никакой фиги в кармане ребята не держали и никого обгорить не стремились, у них все выходило само собой, непринужденно и честно.

Слово Игорю Матвиенко: «Мне, несмотря на увлеченность западными группами, всегда нравилось русское народное творчество — не лубочные, а именно старые песни. Поэтому говорить о каком-то переломном моменте в истории «Любэ» я бы не стал, все было естественно и поступательно. Та же песня «Атас» — по музыкальным корням вполне патриотичная».

Продюсеру и композитору вторит Александр Шаганов, главный автор текстов: «Никакого просчитанного маркетингового хода, направленного на резкую смену имиджа, не было. Более того, «Батяка Махно», «Клетки», «Не валяй дурака, Америка» и прочие ранние хиты не менее искренние, чем композиции с подчеркнута героическим содержанием».

В этом и видится основная заслуга: «Любэ» сумели создать искренний, привлекательный саундтрек новой России, в которой мы все проживаем.

С печальной откровенностью рассуждая о недавних страшных событиях, вольно или невольно спрашиваешь себя: после трагедии, унесшей жизни артистов Ансамбля песни и пляски имени Александра, что остается на сегодняшний день? Кто продолжит в том же духе, со столь же неподкупной чистотой и простотой воспевать российские поля и просторы, реки и горы, совесть и честь, наступательный порыв и боевую удал, солдатскую любовь и нежность, дружбу и преданность?.. Конечно же, новый состав легендарного ансамбля. А кроме того? К счастью, есть у нас Хор имени Пятницкого, однако тот апеллирует прежде всего к фольклорной составляющей музыкального творчества, а это все-таки несколько иное. Живет и здравствует, слава Богу, знаменитый Кубанский казачий хор, но опять-таки занимает свою особую, ни с кем не делимую нишу.

Существуют ли, помимо «Любэ», группы, что столь же трогательно, доходчиво и профессионально донесут до всех нас берущие за душу истории про комбата,

солдата, оперов — тех, кому «доверено судьбой оберегать на здешних улицах покой»? Вопрос, по сути, риторический...

И таковым он, по-видимому, останется до той поры, пока выступает коллектив под известным каждому в России, хотя и как будто немного неказистым названием, ведомый коренастым, немногословным парнем в гимнастерке, достойным русским мужиком Николаем Расторгуевым.

Кстати, в обыденной жизни, вне сцены, певец предпочитает разговаривать тихим, спокойным, порой даже умиротворяющим голосом. И вовсе не для того, чтобы сберечь голосовые связки перед очередным выступлением (а концерты «Любэ» редко длятся меньше двух часов). Просто артист слишком хорошо знает цену каждому сказанному слову и взятой ноте, любой растраченной впустую эмоции.

Неиссякаемой уверенности в том, что поет, неувыдающей надежды на то, во что верит, доброго здоровья хотелось бы пожелать дорогому для очень многих соотечественников юбиляру.

ФОТО: МИХАИЛ ФОМИЧЕВ/РИА НОВОСТИ

На семи холмах

«ПЕРВАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ», ЛУБОК, 1852

Наш паровоз вперед летит

Ольга Марьяновская

В минувшем году у «Российских железных дорог» — одной из крупнейших в мире магистральных сетей протяженностью 85,3 тыс. км — началась полоса больших юбилеев. В апреле 2016-го исполнилось 180 лет со дня подписания Николаем I указа о постройке пригородной линии общественного пользования от Петербурга до Царского Села. 175 лет назад, 13 февраля по новому стилю, тот же император издал указ о строительстве дороги между двумя столицами.

160 ЛЕТ НАЗАД, 7 февраля 1857-го, другой монарх, Александр II, постановил проложить первую отечественную железнодорожную сеть «от Санкт-Петербурга до Варшавы... от Москвы до Нижнего Новгорода». Тогда же было учреждено Главное общество российских железных дорог.

Царскосельскую ветку соорудили крепостные крестьяне и солдаты. Рельсы и прочее необходимое приобретали за границей. 11 ноября 1837 года первые пассажиры — император, сановники и дипломаты — отправились из пункта А в пункт Б и благополучно прибыли к ме-

К. САВИЦКИЙ. «РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ». 1874

сту назначения. Удачный опыт дал начало более масштабному строительству. Через четырнадцать лет была официально открыта двухпутная дорога, соединяющая град Петров и Первопрестольную. Экономические и военные интересы державы требовали скорейшего развития железнодорожной сети, и во второй половине XIX века этот, не прекращающийся и поныне, процесс пошел.

Об истории и современности великой русской «чугунки», о людях, посвятивших ей свою жизнь, лучше других знает, надо полагать, Надежда Александрова, директор Музея железнодорожного транспорта Московской железной дороги. Ей и предоставим слово.

— Наши экспозиции находятся в основном внутри уникального пространства бывшего «Траурного поезда Ленина», закрытого в том прежнем виде еще 20 лет назад. Музей железнодорожного транспорта начал работать здесь для посетителей 5 августа 2011-го. Мы стремились организовать его так, чтобы не нарушать того, что было. По-прежнему главный экспонат —

«ПОСТРОЙКА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ». ГРАВЮРА XIX В.

единственный сохранившийся в мире паровоз серии У, выпущенный в 1910-м. 23 января 1924 года он вез знаменитый похоронный состав от станции Герасимовской до Павелецкого вокзала. Локомотив развивал скорость до 105 км в час, то есть был примерно в два раза быстрее абсолютного большинства других паровозов. Создавали его на Путиловском заводе, а всего было произведено 56 таких машин. Рари-

тет сохранился как раз благодаря тому, что выполнил особую миссию. Ныне это памятник федерального значения. Ради него к Олимпиаде-80 было построено по проекту архитектора Леонида Павлова специальное здание.

Все, что мы показываем, — подарки ветеранов и служб РЖД. Железнодорожники всегда бережно относились к историческому наследию, традициям и тому очевидному факту, что их вид транспорта неразрывно связан с судьбой Отечества, помог России стать по-настоящему великой страной.

Экспозиция оформлена в хронологическом порядке. На почетном месте в масштабе 1:2 — макет первого русского паровоза, сконструированного еще в 1833–1834 годах бывшими крепостными инженерами Ефимом и Мироном (отцом и сыном) Черепановыми. Рядом материалы о строительстве Царскосельской линии, открытие которой считается днем рождения «Российских железных дорог». Ее протяженность составляла всего 26,3 километра. В работе над этим вошедшим в национальную историю проектом участвовал будущий первый министр путей сообщения Павел Мельников.

В соседней витрине — акварельные зарисовки дороги Санкт-Петербург — Москва 1851 года. Воссоздано купе вагона 1-го класса. Классы тогда определялись по цвету. В таком, синем, было четыре купе со всеми удобствами и отдельным входом с улицы. Попасть туда можно было только во время остановки. Постепенно на смену этим вагонам пришли другие — со сквозными коридорами. Второму классу соответствовал желтый цвет, такой вагон тоже был комфортабельным. Зеленый — 3-го класса, с деревянными лавками. Багажные красили коричневой краской.

Следующая витрина посвящена нашим «королям», богатейшим людям XIX — начала XX века, построившим у нас почти все железные дороги: Ивану и Савве Мамонтовым, Карлу и Николаю фон Меккам, Федору Чижову, Петру Губонину, Павлу фон Дервизу...

Протянувшаяся по всей империи сеть дорог — Петербурго-Варшавская (1862), Московско-Нижегородская (1862), Московско-Рязанская (1864), Московско-Ярославская (1870), Транссибирская магистраль (в начале XX века включала в себя восемь направлений) и другие — стала кровеносной системой России. Николаевская дорога, соединявшая две столицы, и Транссибирская магистраль были казенными. Большинство других — частными, государство имело право выкупить их через двадцать лет после постройки. В марте 1918 года все они были национализированы.

Старинные документы и фотографии свидетельствуют: статус и социальная защищенность железнодорожника всегда были на приличном уровне. На одной из инсталляций видим начальника станции и телеграфиста в интерьере кабинета рубежа прошлых веков. На другой — путейских рабочих и фрагмент

полотна: чувствуется запах деревянных шпал, пропитанных для защиты от разрушения креозотом. Тут много образцов форменной одежды разных эпох, личные вещи руководителей и рядовых сотрудников, ведомственные награды, памятные подарки. А также — путевые костыли, старинные сигнальные фонари, макеты ручной и автоматической сцепки, образцы рельсов — английских, немецких, уральских, с Демидовских заводов.

Наглядно отмечена роль отрасли в годы Первой мировой, когда стали выпускать бронепоезда и санитарные эшелоны. Отражены события Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны, восстановления страны, электрификация, первый субботник на железной дороге, отправление первой электрички в 1929 году из Москвы в Мытищи. Есть специальный раздел, посвященный огромному вкладу железнодорожников в Победу советского народа над фашизмом.

Особое внимание уделено Московской окружной дороге, сданной в эксплуатацию в 1908-м и ставшей в мае 1917 года официальной границей города. Проект был разработан инженером-строителем Петром Рашевским. Проезд по ней стоил дорого, поэтому пассажирские перевозки быстро отменили. Но как грузовая она имела очень большое значение, особенно в годы Великой Отечественной. Все станционные здания там спроектированы архитектором Александром Померанцевым, мосты — инженерами Николаем Белелюбским и Лавром Проскураковым. Два моста, которые в наши дни уже не могли выдерживать возросшую нагрузку, были перенесены и включены в конструкцию новых, пешеходных, через Москву-реку: Пушкинского и Богдана Хмельницкого.

В 1946 году построили Большое кольцо вокруг столицы, а прежнее стали называть Малым. Сейчас дорогу электрифицировали, до-

бавился третий путь, и наряду с грузовыми поездами по ней летают пассажирские «Ласточки». Теперь это Московское центральное кольцо.

В экспозиции много интересного о современной истории РЖД. Московская железная дорога — инновационная. В 2000-х началось движение до всех аэропортов аэроэкспрессов, их удобство и востребованность демонстрирует видеоролик. Еще одна инсталляция показывает, как развивались пригородные перевозки.

Специальные макет и ролик рассказывают о крупнейшей в Европе автоматизированной сортировочной горке Бекасово, где формируются грузовые составы. Тут же, напротив, под стеклом макеты «Сапсанов». Любопытны фотоматериалы о летнем лагере и учебном центре, что связаны с Детской дорогой в Кратово, там ребята пробуют силы в разных специальностях, от проводника до машиниста и начальника поезда. Оригинальный сенсорный киоск оформлен в виде паровозной топки. Дети могут играть в стрелочника, изучать типы локомотивов, рассматривать старинные и новые здания вокзалов.

Музею также принадлежат две крупные и весьма примечательные экспозиции. Одна из них представ-

ляет собой открытую площадку на Рижском вокзале со множеством единиц техники, расположенной по хронологии использования. Вторая — станция Подмосковная Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги с комплексом построек 1901 года. Здесь можно узнать о том, как была организована инфраструктура в начале XX века: вокзал, водонапорная башня, дом начальника станции, действующее депо с поворотным кругом, интерьеры, оборудование, паровоз в разрезе (благодаря светодиодным лентам видно, как работают его устройства); расторопный буфетчик спешит навстречу путешественнику с чаем, улыбочивый приемщик в багажном отделении сторожит чемоданы. Миниатюрный кинозал стилизован под старинный дилижанс. Зеркало-монитор, как машина времени, отражает лица современных посетителей и показывает, какими они были бы в начале прошлого века.

Наши экспонаты часто используются для съемок кинокартин. К примеру, в 2008 году на Подмосковной снимался эпизод из фильма «Адмиралъ». В основном здании музея Джонни Депп проводил в 2013-м свою фотосессию, приуроченную к российской премьере «Одинокого рейнджера».

ФОТО: МАКСИМ БЛИНОВ/РИА НОВОСТИ

Творчество для всех

Максим Сырников

Прежде здесь уже рассказывалось о том, что «творог», «творить», «творчество» — близкородственные слова, что с означенным продуктом у нас чего только не готовят — и к праздникам, и к будним завтракам, а равно обедам и ужинам. Тут вам и пироги, и ватрушки, и поливохи, и шанежки, а также запеканки, пасочки, нежно-сладкая начинка для вареников, ушек... Рекомендуется использовать в приготовлении всех этих яств творог собственного, сугубо домашнего производства (см. «Свой» за апрель 2016-го).

В ДРЕВНИХ документах упоминается «молоко твореное», то есть заквашенное и откинутое на сито — уникальный русский продукт, причем не требующий длительной выдержки, универсальный и всеми любимый.

Впрочем, если нет ни времени, ни особого желания на то, чтобы заниматься подобным творчеством, то сгодится, пожалуй, и творог покупной.

К сожалению, в России уже стали забывать, что когда-то наша кухня славилась превосходными кашами с творогом — сытными и необычайно вкусными. Сегодня пришла пора делать их заново популярными.

Пшенная каша с творогом

- 1 стакан пшена
- 200–300 г творога
- 2 стакана молока
- 1/2 ч. ложки соли
- 2 столовые ложки сахара
- 2 столовые ложки сливочного масла

Промытое пшено залить литром воды и варить до полуготовности 15–20 минут. После чего избыток воды слить, а в пшено добавить кипящее молоко, сахар, масло, посолить и варить уже до готовности. Затем положить творог, хорошо перемешать и поставить упревать — на шесток русской печи, в духовку с температурой 60–70 градусов, а то и просто под подушку.

Б. КУСТОДИЙЕВ. «27 ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА». 1917

Своя

ФЕВРАЛЬ 2017

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Барщины